
ЭХО
НЕПРОЖИТЫХ ЛЕТ
Бьерн Даллен
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Бьерн Даллен
Эхо непрожитых лет

https://litres.ru/74708943
SelfPub; 2026

Аннотация

Его жизнь закончилась. Его судьба — нет.

Париж, 1793 год. Ленинград, 1942-й. Токио, 1995-й. Для Эрика это не страницы истории, а места, где чужие жизни меняются навсегда.

Эрик давно мёртв. Но он способен путешествовать сквозь столетия и управлять законами природы. Он исполняет предписания загадочного Плана. Иногда его задача — спасти жизнь. Иногда — позволить человеку умереть.

Он не выбирает предписания. И не всегда согласен с тем, что должен сделать. За сухой формулировкой каждого приказа — чья-то жизнь.

Он может попасть в любое столетие. Но не может вспомнить последние три года своей человеческой жизни.

Этьен, сопровождающий его из века в век, знает гораздо больше, чем готов рассказать.

Эрик исправляет чужие судьбы. Но кто распорядился его собственной?

Бьерн Даллен
Эхо непрожитых лет

БЬЕРН ДАЛЛЕН
ЭХО

НЕПРОЖИТЫХ ЛЕТ
Роман

СОДЕРЖАНИЕ

1. Восемь часов 5
2. Париж, 1793 13
3. Токио, 1995 29
4. Ленинград, февраль 1942 года 47
5. До рассвета 65
6. Предел 99
7. Мантия 137
8. Депеша 165
9. Лицо 203
10. Не стрелять 233
11. Отозвано 257
12. Синяя лента 271
13. Последний трап 305
14. Голос миллиарда 337
15. Возвращение 365

16. Один из шести 423
17. С той стороны 433

Глава 1
Восемь часов

В кафе пахло пережаренным беконом, дешёвым кофе и разогретым асфальтом. За окнами стояло солнечное июльское утро 1969 года. Где-то в Вирджинии, у дороги, название которой Эрик не удосужился запомнить.

Свободных столиков почти не было. За стойкой завтракали дальнобойщики, у окна спорили двое фермеров, а возле автомата с газировкой мальчишка уже минут пять пытался вернуть застрявшую монету. Иногда бил автомат ладонью. Безрезультатно. Эрик сидел у окна и пил чёрный кофе. Без сахара. Сахар он не любил. Почему — не помнил. Таких мелочей в его памяти хватало. Он смотрел на девушку у стойки.

Лет двадцать пять. Светлые волосы собраны в хвост кое-как, голубое платье, дешёвая коричневая куртка висит на спинке соседнего стула. Она всё время улыбалась. Сама себе, чашке, официанту, собственным рукам. Перед ней лежал сложенный вчетверо лотерейный билет. Двести с лишним тысяч долларов. В другой жизни сумма могла означать новый дом, путешествия или просто возможность больше не считать деньги. Для неё всё было проще.

Лечение матери. Своя квартира. Машина, которая заводится не с третьего раза. И возможность однажды закрыть

дверь перед человеком, который привык считать, что ударить женщину — нормальный способ закончить спор. Эрик знал об этом не потому, что расспрашивал. Он вообще с ней не разговаривал. Просто однажды она посмотрела ему в глаза. После этого он знал достаточно. Девушка взяла билет, снова развернула его, хотя цифры наверняка уже выучила наизусть, и рассмеялась. Эрик отпил кофе. Тот давно остыл.

— Долго собираетесь на неё смотреть?

Голос раздался за спиной. Эрик не обернулся.

— Пока не надоест.

— Боюсь, этот момент должен был наступить несколько часов назад.

Теперь Эрик повернул голову. За соседним столиком сидел мужчина лет сорока. Высокий, сухощавый, с безупречной осанкой. Тёмные волосы аккуратно зачёсаны назад; у висков едва заметна проседь. Костюм сидел так, словно его шили не для человека, а сразу для его привычки смотреть на окружающих с вежливым неодобрением. Перед ним стояла чашка чая. Эрик посмотрел сначала на неё, потом на Этьена.

— Серьёзно?

— Что именно?

— Чай.

— Да.

— Здесь?

Этьен де Рошфор неторопливо оглядел кафе. В двух метрах от него дальнобойщик собирал куском хлеба желток с

тарелки.

— Не вижу препятствий.

— Конечно.

Этьен взял чашку двумя пальцами.

— Рад, что мы быстро пришли к согласию.

Эрик снова повернулся к стойке.

— Она счастлива.

— Она должна быть мертва.

Эрик продолжал смотреть на девушку.

— Уже восемь часов, — добавил Этьен.

— Я знаю.

— Тогда мне особенно интересно, что вы делаете.

— Пью кофе.

— Вы его не пьёте.

Эрик посмотрел на чашку.

— Только что пил.

— Один глоток за последние десять минут.

— Следишь за мной?

— Это, к сожалению, часть моих обязанностей.

Эрик вздохнул.

— Этьен.

— Да?

— Отвали.

Тот поставил чашку на блюдце. Аккуратно. Очень аккуратно.

— Ваша способность превращать любой разговор в беседу

портовых грузчиков по-прежнему впечатляет.

Эрик усмехнулся. Чем сильнее Этьена раздражали, тем безупречнее становилась его речь. Эрик эту привычку любил. Когда-то Этьен де Рошфор был французским офицером. Теперь появлялся каждый раз, когда Эрику требовалось сообщить о новой коррекции, изменении предписания или очередной неприятности. Чаще — о неприятности.

— Вы вмешались, — сказал Этьен.

— Да.

— Зачем?

— Уже сказал.

— «Она счастлива» не является объяснением.

— Нормальное объяснение.

— Для вас.

— Мне его достаточно.

Девушка достала из сумочки конверт, пересчитала деньги внутри и спрятала обратно. Опять улыбнулась. Эрик тоже. Совсем чуть-чуть. Этьен это заметил.

— Вот этого делать не следует.

— Чего?

— Привязываться.

— Я не привязался.

— Вы улыбаетесь.

— Бывает.

— Раньше — редко.

Эрик повернулся к нему. Этьен спокойно пил чай.

— Не начинай.

— Я ничего не сказал.

— Именно это у тебя получается особенно мерзко.

На этот раз Этьен едва заметно улыбнулся. Потом достал из внутреннего кармана старые механические часы. Крышка щёлкнула. Он посмотрел на циферблат.

— Пора.

Эрик провёл большим пальцем по краю чашки.

— Ты видел её жизнь?

— Нет.

— А я видел.

Этьен убрал часы.

— И что это меняет?

Эрик встретился с девушкой глазами ещё несколько минут назад. Этого хватило. Чужие жизни никогда не приходили к нему целиком. Только обрывки, иногда совершенно бессмысленные. На секунду перед глазами появилась женщина на каменном балконе. Потом солдат, лежащий в снегу. Ребёнок, бегущий через высокую траву. Другие лица. Другие времена. А потом всё исчезло. Смысл приходилось угадывать самому.

— Она уже достаточно получила, — сказал Эрик.

Этьен посмотрел на девушку.

— В каком смысле?

— Плохом.

— Это не делает её исключением.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Эрик немного помолчал.

— Захотелось.

Этьен повернулся к нему медленнее обычного.

— Великолепно.

— Что?

— Ничего. Просто приятно знать, что устройство реальности иногда зависит от вашего «захотелось».

— Восемь часов.

— Да.

— Я дал ей восемь часов.

— Которых у неё не было.

— Теперь были.

Этьен медленно снял с руки перчатку, хотя в кафе она ему совершенно не мешала. Эрик заметил.

— Нервничаешь?

— Нет.

— Тогда зачем перчатка?

Этьен посмотрел на неё, будто впервые увидел. Надел обратно.

— Я вас прикрою.

Эрик нахмурился.

— Что?

— Не заставляйте меня повторять. Мне и первый раз не понравилось.

— С чего вдруг?

— Потому что объяснять последствия наверху придётся в том числе мне.

— Вот теперь верю.

— Но на этом всё.

Эрик снова посмотрел на девушку.

— Эрик.

— Что?

— Вы закончили.

Колкость из голоса исчезла. Девушка встала. Накинула куртку, спрятала билет в сумку и оставила на стойке несколько монет. Официант что-то сказал ей вслед. Она рассмеялась. У двери остановилась, щурясь от яркого солнца. Несколько секунд просто стояла там. Эрик смотрел.

— Ну же, — тихо сказал Этьен.

— Ненавижу тебя.

— Это переживу.

Девушка вышла. Прошла через парковку к старенькому автомобилю. Открыла дверь, села за руль и положила сумочку рядом. Эрик сжал пальцы на чашке. Мотор завёлся со второго раза. Со стороны шоссе послышался гудок. Потом ещё один. Эрик уже знал. Не посмотрел. Звук тормозов был настолько резким, что разговоры в кафе оборвались. Удар. Тяжёлый, металлический. За окном мелькнула кабина грузовика. Кто-то вскочил. Официантка уронила поднос. Стакан разбился возле стойки, но никто даже не обернулся. Эрик

сидел на месте.

Люди бросились к окнам и двери.

— Господи...

— Вызывай полицию!

— Там девушка!

Эрик всё ещё держал чашку. Этьен поднялся первым.

— Проводишь её? — спросил Эрик.

Этьен остановился. На этот раз ответил не сразу.

— Да.

Он застегнул пиджак и направился к выходу. Эрик окликнул его:

— Этьен.

Тот обернулся.

— Что?

Эрик хотел что-то сказать. Передумал.

— Ничего.

Этьен посмотрел на него ещё секунду и вышел. В кафе стало шумно. Кто-то искал телефон, кто-то уже бежал через парковку. Фермер у окна говорил остальным не трогать машину. Мальчишка возле автомата наконец забыл о своей монете. Эрик остался за столом. Он сделал глоток кофе. Холодный.

— Дрянь.

Поставил чашку. Вспомнился её смех. Не лицо — именно смех. Эрик потёр ладонью подбородок и посмотрел в окно, но между людьми уже ничего не было видно. На соседнем

стуле лежала оставленная кем-то газета. Он взял её скорее от нечего делать. Развернул. На странице крупными буквами стоял заголовок:

«ЧЕЛОВЕК — ХОЗЯИН СВОЕЙ СУДЬБЫ?»

Эрик задержал на нём взгляд. Потом сложил газету и положил обратно.

— Нет.

За окном кто-то крикнул, требуя освободить дорогу. Эрик поднял чашку, но пить не стал.

— Не всегда.

Глава 2
Париж, 1793

Париж встретил Эрика дымом.

В нём смешались мокрые дрова, горелое масло, конский навоз, дешёвое вино и что-то мясное, доносившееся от уличных жаровен. Над несколькими кварталами висели чёрные столбы — там горело уже не для еды. Под сапогом хлюпнула грязь. Эрик остановился посреди узкой улицы. В другой раз он видел Париж чистым, отреставрированным и переполненным туристами. Люди фотографировали фасады и таблички, покупали кофе, стояли в очередях туда, где когда-то резали друг друга ради правильных слов. Сейчас город ничем не притворялся.

Телега с мукой пробиралась через толпу. Рядом шёл солдат с ружьём. Два мальчишки крутились возле заднего коле-

са; один полез рукой под брезент и тут же получил прикладом по пальцам. Никто не остановился. На двери лавки висел лист с крупным словом:

СВОБОДА.

Под ним спал безногий нищий.

— Париж, — произнёс знакомый голос.

— Я заметил.

Этьен стоял в нескольких шагах и поправлял манжет. Эрик посмотрел на белоснежную ткань, потом на грязь вокруг его сапог.

— Как?

— Что именно?

— Ты каким-то образом остаёшься чистым.

Этьен чуть поднял подбородок.

— Воспитание.

— А я думал, сверхъестественные способности.

Этьен не ответил. Обычно к этому моменту он уже поправлял манжет с выражением человека, мысленно листающего дуэльный кодекс. Сегодня просто смотрел вдоль улицы. Эрик проследил за его взглядом.

— Соскучился?

— По чему?

— По дому.

Этьен повернулся. Пальцы на манжете замерли.

— Дом, Эрик, — это место, куда можно вернуться.

Колокол ударил над крышами.

— А сюда я вернуться не могу.

По улице пробежала девочка с корзиной. Её кто-то окликнул, она даже не обернулась. Этьен одёрнул рукав.

— У вас коррекция.

— Вот теперь узнаю тебя.

— Жан-Батист Морель.

— Что с ним?

— Сегодня он должен умереть.

Эрик посмотрел на Этьена внимательнее.

— Когда?

— До вечера.

— Причина?

— Не имеет значения.

— Для тебя многое не имеет значения.

— Для выполнения предписания — действительно.

— Что именно от меня требуется?

Этьен помедлил.

— Морель должен умереть от вашей руки.

На улице кто-то громко рассмеялся. Эрик проводил взглядом двух проходивших солдат. Один нёс под мышкой длинный каравай и откусывал от него прямо на ходу.

— Почему я?

— Таково предписание.

— Железный аргумент.

Этьен посмотрел ему прямо в глаза.

— Если Морель заговорит с вами, сначала выслушайте

его.

Эрик усмехнулся.

— А потом убить?

— Да.

— Ты знаешь, что он мне скажет?

— Нет.

Слишком быстро. Этьен тут же поправил манжет.

— Не начинайте.

— Я ещё ничего не спросил.

— Именно поэтому и прошу заранее.

Эрик сделал несколько шагов и остановился.

— Ты его знаешь?

Ответ не пришёл. Эрик обернулся.

— Этьен.

— Идите.

— Знаешь.

— Я этого не сказал.

— Ты вообще ничего не сказал.

— И на этом предлагаю закончить.

Эрик некоторое время смотрел на него.

— Как скажешь.

— Это было бы приятно хотя бы однажды.

Эрик смешался с толпой.

* * *

До Сен-Жерве он добирался почти час. Не из-за расстояния. Париж просто сопротивлялся любому человеку, кото-

рый хотел пройти куда-то по прямой. Телеги перегораживали улицы, солдаты останавливали прохожих, на площадях собирались толпы. Возле одного перекрёстка мужчина стоял на перевёрнутой бочке и кричал о врагах революции. Люди слушали. Кто-то кивал слишком усердно. Эрик давно знал этот вид страха — когда человек хочет первым доказать толпе, что он думает правильно. Он не задержался.

Через квартал испуганная лошадь рванула в сторону. Телега качнулась, мальчишка возле колеса поскользнулся и упал. Эрик уже перенёс вес на другую ногу. Возница успел раньше. Дёрнул поводья, лошадь остановилась. Мать выдернула ребёнка из грязи и сразу начала ругать его, плача между словами. Эрик прошёл мимо.

Не всякая беда была отклонением. Иногда колесо просто неудачно попадало в яму, люди опаздывали, падали, болели и умирали без какой-либо ошибки в устройстве мира. Когда-то он лез слишком часто. Теперь умел проходить дальше. Возле булочной мужчина в сером сюртуке читал небольшую книгу и ел яблоко. Люди задевали его плечами, но тот будто ничего не замечал. Эрик скользнул по нему взглядом и тут же забыл. Церковь появилась за поворотом. Каменная, тяжёлая, потемневшая от дыма и времени.

На ступенях сидел мужчина лет сорока. Худой, небритый, в обычной одежде. Таких в городе были тысячи. Он смотрел на прохожих так, словно ждал одного конкретного человека. Эрик остановился перед ним.

— Жан-Батист Морель?

Мужчина поднял голову и пару секунд просто разглядывал Эрика. Потом выдохнул:

— Ты опоздал.

— Мы знакомы?

Морель на секунду закрыл глаза.

— Значит, всё-таки сделали.

— Что?

Он поднялся.

— Ты меня не помнишь.

— Должен?

— Нет.

Жан-Батист слегка качнул головой.

— Наверное, так даже проще.

— Мы встречались?

— Да.

— Когда?

Морель оглянулся на улицу.

— В те три года, которых у тебя нет.

Шум никуда не исчез. Скрипели колёса, торговцы зазывали покупателей, звонил колокол. Эрик перестал замечать всё это разом.

— Повтори.

— Не нужно. Ты услышал.

Эрик подошёл ближе.

— Кто ты?

— Сейчас это не главный вопрос.

— Для меня главный.

— Тебя прислали убить меня?

Эрик не ответил. Жан-Батист понял и без ответа.

— Значит, всё дошло и до этого.

— Откуда ты знаешь, зачем я здесь?

— Иначе ты бы не пришёл.

— Может, люблю церкви.

Морель впервые усмехнулся.

— Нет.

— Мы настолько хорошо знакомы?

Улыбка исчезла.

— Были.

Жан-Батист не отступал и не торопился с ответами. Люди рядом с Эриком обычно становились осторожнее, сами не понимая почему. Морель смотрел на него иначе — как на знакомого, который сильно изменился.

— Кто рассказал тебе обо мне?

— Ты.

Эрик замер.

— Когда?

— Я уже сказал.

В виске появилась тупая боль. Он знал её. Стоило слишком долго лезть в последние годы собственной жизни — и память будто упиралась в закрытую дверь. За ней что-то было. Но никакой ручки.

— Что произошло за эти три года?
— Не здесь.
— Тогда где?
Жан-Батист кивнул на церковь.
— Внутри.
— Почему?
— Я предпочёл бы закончить разговор до того, как умру.
Эрик нахмурился.
— Кроме меня кто-то ещё хочет тебя убить?
— Это длинный список.
— Кто?
— Если бы я знал всех, спал бы лучше.
Морель двинулся к двери. Эрик схватил его за локоть.
— Стой.
Жан-Батист посмотрел на руку.
— Ты всё такой же.
— Насколько хорошо мы были знакомы?
Он ответил не сразу.
— Достаточно хорошо.
— Для чего?
— Чтобы однажды ты попросил меня кое-что сделать.
— Что?
Морель посмотрел ему в глаза.
— Найти тебя, если ты забудешь.
Эрик отпустил его.
— Я не мог знать, что забуду.

— Мог.

— Откуда?

Морель едва заметно улыбнулся. На этот раз без веселья.

— Потому что это уже начиналось.

Эрик перестал злиться.

— Что начиналось?

— Пойдём внутрь.

— Нет.

— Эрик...

— Посмотри на меня.

Жан-Батист отшатнулся.

— Не надо.

Поздно. Эрик встретился с ним глазами. Мир провалился. Сначала пришёл берег. Песок под босыми ногами. Чужое лицо, чужое тело. Жан-Батист — но не Жан-Батист. Море било в камни. Потом снег. Мужчина лежал рядом с мёртвой лошадью и смотрел на красное небо. Ещё одна жизнь. И комната. Тёмная, тесная. У стены сидел человек. Перед ним стоял Эрик. Настоящий. Не отражение и не случайное сходство. Он выглядел почти так же, как сейчас, но лицо было другим. Не чертами. Взглядом. Злым. Живым. Уставшим. Жан-Батист что-то говорил.

Звука не было. Потом слова прорвались, словно кто-то на мгновение открыл дверь:

— ...если они доберутся до меня раньше...

— Тогда молчи.

Голос Эрика.

— А если доберутся до тебя?

Тот, другой Эрик, повернул голову.

— Тогда найди меня.

Всё оборвалось. Эрик отступил на шаг.

Париж вернулся сразу — колоколом, голосами и запахами.

Морель тяжело дышал.

— Видел?

Эрик молчал.

— Себя видел?

— Я не могу видеть собственное прошлое.

— Это не твоё.

Жан-Батист коснулся груди.

— Моё.

Эрик смотрел на него.

— Кто стёр мне память?

— Не знаю.

— Кто?

— Я правда не знаю.

— Тогда что знаешь?

Морель оглянулся.

— Ты что-то нашёл.

— Что?

— Не сказал.

— Что произошло потом?

— Не знаю.

Эрик схватил его за сюртук. Несколько прохожих обернулись.

— Так какого чёрта ты вообще можешь мне рассказать?

Морель не сопротивлялся.

— Ты боялся.

Эрик отпустил ткань чуть слабее.

— Чего?

— Не знаю.

— Я?

— Ты.

Жан-Батист смотрел на него без насмешки.

— За всё время, что я тебя знал, я впервые тогда увидел, что тебе страшно.

Эрик отпустил его. Морель поправил одежду.

— И ещё ты сказал одну вещь.

— Какую?

— Если ты однажды придёшь за мной и не вспомнишь меня, времени почти не осталось.

— До чего?

— Не объяснил.

Эрик выругался. Жан-Батист вдруг улыбнулся.

— Вот это знакомо.

— Что?

— Ругался ты и раньше отвратительно.

Эрик почти усмехнулся. И в этот момент Морель дёрнул-

ся. Не резко. Будто потерял равновесие.

— Что?

Жан-Батист посмотрел вниз.

— Странно.

Он провёл ладонью по левому боку. На пальцах осталась кровь. Эрик оказался рядом.

— Где?

— Не знаю.

На ткани проступило небольшое тёмное пятно. Слишком небольшое. Эрик быстро оглядел улицу. Люди шли мимо. Женщина несла корзину, солдат спорил с торговцем, девочка тащила за собой собаку. Никто не бежал. Никто даже не смотрел в их сторону. Эрик разорвал ткань. Рана была крошечной. Почти точка. Кровь шла слишком быстро.

— Кто подходил?

Морель побледнел.

— Никто.

— Думай.

— Я сказал — никто.

Ноги у него подогнулись. Эрик подхватил его.

— Смотри на меня.

Жан-Батист тихо рассмеялся.

— Ты правда не изменился.

— Помолчи.

— Всегда злишься, когда не понимаешь.

— Жан-Батист.

Эрик прижал ладонь к ране. Не помогало. Он не трогал тело Мореля силой — это было запрещено даже ему. Но и обычное давление ничего не меняло. Жизнь уходила ненормально быстро.

— Кто это сделал?

Морель уже не смотрел на рану. Вцепился взглядом в Эрика.

— Значит... они знают.

— Кто?

— Что я тебя нашёл.

— Кто знает?

Жан-Батист попытался вдохнуть глубже. Не получилось. Эрик наклонился.

— Скажи мне.

— Тебя боятся не потому, что ты можешь сделать.

Эрик замер.

— А из-за чего?

Жан-Батист смотрел прямо на него.

— Из-за того, что ты можешь вспомнить.

Тело стало тяжёлым. Эрик ещё несколько секунд держал его.

— Жан-Батист.

Никакой реакции. Он поднял голову. По улице продолжали идти люди. Кто-то торговался за хлеб. Где-то плакал ребёнок. Колёса телеги провалились в яму и с треском выбрались обратно. Человека убили в нескольких шагах от Эрика.

А он даже не понял когда. На другой стороне улицы мужчина в сером сюртуке помог старухе собрать рассыпавшиеся яблоки. Поднял с земли свою книгу, стряхнул грязь с обложки и ушёл вместе с толпой. Эрик на него не посмотрел.

* * *

Этьен появился через несколько кварталов. Эрик ждал его в узком переулке.

— Морель мёртв.

— Знаю.

Эрик повернулся.

— Откуда?

Этьен не ответил.

— Я не убивал его.

Пальцы Этьена замерли на перчатке.

— Что?

— Ничего.

— Этьен.

Тот выпрямился.

— Он мёртв?

— Да.

— Тогда результат достигнут.

Эрик медленно приблизился.

— Предписание звучало как?

Этьен молчал.

— Повтори.

— Вы должны были устранить Мореля.

— Я его не трогал.
— Но он мёртв.
— Это не одно и то же.
Этьен отвёл взгляд.
— Кто его убил?
— Не знаю.
— Было второе предписание?
— Насколько мне известно, нет.
— «Насколько известно»?
— Да.
— Ты его знал.
Этьен снова посмотрел на него.
— Вы уже спрашивали.
— И ответа не получил.
— Верно.
— Он знал меня.
Молчание.
— Он знал про три года.
Этьен не шевельнулся.
— Он сказал, что я сам велел ему найти меня, если забуду.
Этьен слишком быстро посмотрел в сторону.
— Ты знал.
— Нет.
— Не начинай.
Этьен медленно выдохнул.
— Я знал, что вы встречались.

Несколько секунд Эрик ничего не говорил.

— Когда?

— Не могу сказать.

— Не хочешь?

— Не могу.

— Кто запрещает?

Этьен поправил перчатку.

— Иногда есть разница между вопросом, на который вам не хотят отвечать, и вопросом, который вам не следует задавать.

— Почему?

— Эрик.

— Для кого опасно?

Этьен ничего не сказал. Эрик коротко усмехнулся.

— Понятно.

— Сомневаюсь.

— Он сказал ещё кое-что.

— Что?

— Что меня боятся.

Этьен остался неподвижен.

— Даже не спросишь почему?

— Нет.

— Знаешь?

— Сегодня вы уже узнали достаточно.

Эрик чуть наклонил голову.

— Ты меня боишься?

Вопрос прозвучал раньше, чем он успел решить, хочет ли вообще его задавать. Этьен долго смотрел ему в лицо.

— Нет.

— Быстро.

— Тогда спросите ещё раз через сто лет.

Уголок рта Эрика дёрнулся.

— Что теперь?

— Ничего.

— Я не выполнил коррекцию.

— Морель мёртв.

— Этьен.

— Я знаю.

Это прозвучало тише. Эрик посмотрел на него.

— Значит, ты тоже понимаешь.

— Что именно?

— Кто-то сделал мою работу вместо меня.

Этьен не возразил. Этого хватило. Эрик развернулся.

— Эрик.

Он остановился.

— Не ищите его.

Эрик повернул голову.

— Кого?

— Того, кто убил Мореля.

— Ты же не знаешь кто.

— Не знаю.

— Тогда почему уверен, что я могу найти?

Этьен промолчал. Эрик посмотрел на него ещё секунду.

— Вот теперь врёшь совсем плохо.

И пошёл прочь. Этьен остался один. На соседней улице прогрохотала телега. Возле булочной мужчина в сером сюртуке закрыл книгу и выбросил огрызок яблока в канаву. Через несколько секунд толпа скрыла его окончательно.

Глава 3
Токио, 1995

Девочка кашляла тяжело, с надрывом, будто воздух вокруг стал густым и его приходилось проталкивать внутрь силой.

Эрик держал её под мышки и вёл к лестнице.

— Дыши.

Она попыталась что-то сказать.

— Потом.

На платформе кричали. Кто-то лежал возле колонны; женщина в светлом пальто сидела на полу и бессмысленно смотрела перед собой. Мужчина в костюме пытался поднять другого мужчину и сам едва держался на ногах. По громкой связи что-то повторяли, но Эрик не слушал. До лестницы оставалось несколько метров. На шестнадцатой ступени девочка окончательно перестала идти. Он поднял её на руки. Она оказалась слишком лёгкой для своих лет.

Возле стены валялся раскрытый школьный портфель. Тетради рассыпались по полу, одна страница дрожала от движе-

ния воздуха.

— Я сама могу...

— Конечно.

— Правда.

— Вижу.

Она даже попыталась возмутиться, но снова закашлялась. Наверху уже появились люди в форме.

— Мама...

— Найдут.

— Она не знает, где я.

— Сейчас это не самая большая проблема.

— Она будет волноваться.

Эрик мельком посмотрел на неё. Едва дышит, ноги не держат — а думает о матери. Наверху холодный мартовский воздух показался почти неправдоподобно чистым. На улице уже стояли машины скорой помощи. Людей выводили из метро, укладывали прямо на тротуар, надевали кислородные маски. Кто-то плакал, кто-то спрашивал, что произошло, кто-то уже рассказывал другим то, чего сам знать не мог. Эрик нашёл свободного медика.

— Девочка.

Тот подбежал.

— Сколько она была внизу?

— Не знаю.

— Вы были с ней?

— Нет.

Медик вопросительно посмотрел на него.

— Нашёл.

Когда Эрик передавал девочку, она неожиданно вцепилась ему в рукав.

— Подождите.

— Что?

Она показала в сторону входа.

— Там женщина. В красном шарфе. Она упала возле лестницы.

— Тебе сейчас лучше думать о себе.

Девочка нахмурилась.

— Она была одна.

Медик уже надевал ей маску.

— Мы проверим.

Но она продолжала смотреть на Эрика.

— Проверят, — повторил он.

Только после этого она отпустила рукав. Носилки понесли к машине. Девочка повернула голову и подняла руку. Эрик не ответил — просто проводил её взглядом.

Небо над Токио было совершенно обычным, и это раздражало. Через несколько минут рядом оказался Этьен. Не появился из воздуха — просто до этого его не было, а теперь он стоял у дорожного знака и наблюдал за медиками.

— Жива, — сказал Эрик.

— Вижу.

— Зачем пришёл?

— Убедиться.

Эрик бросил на него взгляд.

— Не доверяешь?

— Ваш вопрос заставляет меня выбирать между вежливостью и честностью.

На фоне лежащих на тротуаре людей Этьен выглядел почти неприлично безупречно. Пальто сидело идеально, волосы — волосок к волоску. Эрик снова посмотрел на машину скорой помощи.

— Почему она сюда поехала?

— Неизвестно.

— Должна была сесть на автобус.

— Да.

— И вдруг метро.

— Да.

— Сама?

— Похоже.

Эрик потёр подбородок.

— Вот это мне и не нравится.

— Вам многое не нравится.

— Ты понял.

— К несчастью, давно.

Двенадцать лет один и тот же маршрут. Сегодня утром — другой. И именно сюда, именно сейчас.

— И?

— И мы не знаем почему.

— Удобно.

Этьен едва заметно вздохнул.

— Отсутствие ответа всё ещё не доказывает существование заговора.

— Я этого не говорил.

— Нет. Вы просто подумали достаточно громко.

Эрик хмыкнул.

— Она настолько важна?

Этьен прикрыл глаза.

— Опять.

— Давно не спрашивал.

— Прага.

— Композитор.

— Александрия.

— Врач.

— Калькутта.

— Помню.

— Поразительно.

Эрик повернулся к нему.

— Не уходи.

— Я стою на месте.

— Ты понял.

Этьен поправил манжет.

— Она должна прожить достаточно долго, чтобы выполнить свою роль.

— Какую?

— Вам известно.

— Генетика.

— Этого вполне достаточно.

— Тебе.

Этьен ещё раз посмотрел на закрывающиеся двери машины.

— Без неё будущее станет хуже.

Эрик помолчал.

— Вот так и отвечай.

— Формулировка чудовищно примитивна.

— Зато короткая.

Двери захлопнулись.

— Я есть хочу.

Этьен повернулся к нему.

— Простите?

— Есть.

— Вы только что закончили коррекцию.

— Поэтому и хочу.

— Иногда ваша способность переходить от трагедии к еде вызывает у меня почти научный интерес.

— Двенадцать лет исследований.

— Безрезультатных.

Эрик сделал шаг. Шум улицы исчез.

* * *

Первым пришёл запах сливочного масла. Потом — тёплого хлеба и вина. Узкая каменная дорога спускалась к озе-

ру между тёмными склонами. Последняя полоска света ещё держалась над дальним берегом, но вода уже стала почти чёрной. Старый дом из светлого камня стоял чуть в стороне от дороги. Несколько окон с деревянными ставнями, виноградная лоза, маленькая вывеска. Никаких фотографий блюд, ярких букв и прочих попыток убедить прохожего, что внутри его непременно ждёт счастье. Это Эрику понравилось.

В ресторане пахло воском, деревом, вином и мясом, которое медленно томилось где-то на кухне. Столы стояли далеко друг от друга. Тяжёлые бокалы, белые скатерти, низкие лампы. В дальнем конце зала горел настоящий камин. За окном лежало озеро. На противоположном берегу дрожали несколько огней. Эрик сел возле окна и открыл меню. Одно блюдо занимало три строки. Он перечитал описание ещё раз и нахмурился. Еда, которую приходилось объяснять длиннее, чем готовить, всегда вызывала у него подозрение.

На стол поставили бутылку вина и деревянную доску с сыром, орехами и тонкими ломтиками груши.

— Я этого не заказывал.

Официант спокойно сообщил, что заказ уже сделан. Эрик перевёл взгляд на пустой стул напротив.

— Разумеется.

— Рад, что вы наконец начали замечать очевидное.

Этьен сел напротив. На фоне старого камня и белой скатерти он выглядел настолько естественно, будто ресторан

строили с расчётом именно на него. Эрик взял бутылку.

— Хорошее?

— Вы спрашиваете меня?

— Нет. Бутылку.

Этьен поджал губы.

— Хорошее.

— Наливай.

— Простите?

— Ты заказал.

Этьен посмотрел на него, потом на бокал и всё же налил. Эрик попробовал.

— Нормальное.

Этьен прикрыл глаза.

— Варвар.

— Не начинай.

Эрик взял сыр пальцами. Этьен посмотрел сначала на его руку, потом на вилку.

— Даже не думай.

— Я ничего не сказал.

— Тебе не обязательно.

— Это моё обычное лицо.

— Нет. Сейчас это лицо человека, который собирается рассказать мне, как сыр ел какой-нибудь маркиз в тысяча семьсот...

— Вообще-то французский придворный этикет...

— Нет.

Этьен замолчал.

— Спасибо.

— Вы получаете от этого удовольствие.

— Иногда.

Официант подошёл принять заказ. Этьен спокойно заказал за обоих. Когда тот ушёл, Эрик спросил:

— А если я хотел другое?

— Вы четыре минуты читали меню и ничего не выбрали.

— Я думал.

— Именно поэтому я вмешался.

За соседним столом сидела пожилая пара. Мужчина всё время наклонялся к женщине, потому что та плохо слышала. Она раздражённо отмахивалась, а через минуту сама придвигалась ближе. Эрик какое-то время наблюдал за ними.

— Вернёмся к девочке.

Этьен отломил хлеб.

— Нет.

— Почему?

— Потому что знаю, чем это закончится.

— Чем?

— Вы снова будете задавать вопросы, ответы на которые уже знаете или знать не должны.

— Вторые интереснее.

— В этом я никогда не сомневался.

Эрик налил себе ещё вина.

— Почему План позволил ей свернуть?

Этьен посмотрел на него поверх бокала.
— Мы обсуждали это.
— Много раз.
— Тогда зачем опять?
— Потому что формулировки у тебя меняются.
— Формулировки.
— Однажды ошибёшься.
— Вы надеетесь поймать меня на слове?
— Да.
Этьен чуть покачал головой.
— По крайней мере честно.
— Где заканчивается План и начинается человек?
Этьен перестал улыбаться.
— Это уже другой вопрос.
— Ответишь?
— Нет.
— Ладно.
— Потому что вы формулируете его неправильно.
Эрик откинулся на спинку стула.
— Началось.
— Представьте дорогу.
— Только не рельсы?
— Дорогу, Эрик.
— Хорошо.
— Есть направление. Есть точки, через которые человек должен пройти. Встречи, решения, события. Но между ни-

ми...

— Ты опять ушёл.

Этьен остановился.

— Я объясняю.

— Ты всегда объясняешь, когда не хочешь отвечать.

Этьен взялся за манжет.

— Человек способен свернуть.

Эрик кивнул.

— Вот.

Принесли горячее. Некоторое время они ели молча.

— Кстати, — сказал Этьен, — двенадцать лет.

Эрик поднял глаза.

— Что?

— Вы на службе больше двенадцати лет.

— Я в курсе.

— Раньше подобные вопросы вас почти не занимали.

— Занимали.

— Не так.

Эрик отложил вилку.

— И как?

— Раньше вы спрашивали, где отклонение, какая коррекция требуется и насколько допустимо вмешательство.

— Работа.

— Именно.

Этьен сделал короткую паузу.

— Теперь вас интересует почему.

— Старею.

— Нет.

— Тогда?

— К вам возвращаются чувства.

Эрик посмотрел на него тяжело.

— Не говори так, будто у меня отрастает новая конечность.

— Хорошо. Скажу иначе. Раньше отсутствие информации вас раздражало. Теперь вам важно, зачем её скрывают.

Эрик ничего не ответил. Камин тихо треснул.

— Ты говоришь так, будто уже видел такое.

Этьен сделал глоток вина, не торопясь. Слишком уж не торопясь.

— Были другие?

— Мы говорили о вас.

— Были?

Этьен взял хлеб.

— В XVIII веке один весьма известный французский врач...

Эрик положил вилку.

— Даже не начинай.

— Вы не знаете, что я собирался сказать.

— Знаю. Через пять минут мы будем обсуждать медицину, а вопрос исчезнет.

Этьен намазал масло на хлеб.

— Крайне несправедливая характеристика моего стиля

общения.

— Но точная.

Эрик попробовал.

— Хорошо.

Этьен едва заметно улыбнулся.

— Не говори никому.

— Эта тайна умрёт со мной.

Эрик посмотрел на него. Этьен на мгновение замер.

— Неудачная формулировка.

— Именно.

Они снова ели. Через некоторое время Эрик сказал:

— Сто двадцать.

Этьен даже не поднял глаз.

— Сто тридцать.

— Знаю.

— Тогда зачем?

— Напомни.

— Отказались выполнить предписание.

— Потому что считал его неправильным.

— Да.

— И ошибся.

Этьен перестал есть.

— Да.

— Насколько?

Теперь он поднял глаза.

— Настолько, что десять дополнительных лет выглядели

умеренно.

— В прошлый раз ты сказал, что мне повезло.

— Это не противоречит сказанному.

Эрик покрутил бокал.

— Значит, повезло.

— Не копайте.

— Почему?

Этьен чуть наклонился вперёд.

— Потому что однажды найдёте.

Эрик задержал на нём взгляд, но продолжать не стал. Через несколько минут спросил:

— Кто назначает срок?

— Не знаю.

— Кто решает, кого брать?

— Не знаю.

— Почему меня?

— Вы подходили.

— Под что?

— Под критерии.

— Какие?

— Не могу сказать.

Эрик откинулся назад.

— Вот.

— Что?

— «Не могу», а не «не знаю».

Несколько секунд Этьен молчал.

— Иногда я искренне жалею, что у вас возвращается наблюдательность.

— Значит, критерии тебе известны.

— Я этого не говорил.

— Конечно.

— Есть вещи, которые я не уполномочен обсуждать.

— Кем?

— Нет.

Эрик слегка усмехнулся.

— Я ещё не спросил.

— Но я уже знаю вопрос.

Некоторое время он водил вилкой по соусу на тарелке.

— Как я умер?

Этьен нахмурился.

— Вы это помните.

— Помню.

— Тогда...

— Последние три года плохо.

Этьен поперхнулся вином. Совсем немного, но для него этого хватило. Он прикрыл рот салфеткой и аккуратно поставил бокал. Эрик наблюдал.

— Вот теперь интересно.

— Вино пошло не туда.

— Полчаса назад оно было превосходным.

— Одно другого не исключает.

— Этьен.

Тот сложил салфетку слишком тщательно.

— Последние три года, — повторил Эрик. — Я их почти не помню.

Этьен посмотрел на него дольше обычного.

— Вы раньше никогда не говорили об этом именно так.

— Раньше меня это не особо волновало.

— Именно.

— Не начинай про чувства.

— Не буду.

Этьен молчал дольше обычного.

— Сколько? — спросил Эрик.

Этьен машинально потянулся к манжету, но остановил руку.

— Почти три года.

Эрик замер.

— Почти?

— Отдельные фрагменты сохранились.

— Места. Иногда лица. Имена без лиц.

— Да.

— Это нормально?

— Нет.

Эрик смотрел на него.

— Уже что-то.

Этьен отпил воды. Не вина.

— Это не обычная потеря памяти.

— Мне её стёрли?

Этьен не ответил сразу.

— Не могу ответить.

— Конечно.

— Эрик...

— За двенадцать лет я уже знаю разницу между твоим «не знаю» и «не могу».

Этьен слегка сжал челюсть.

— В таком случае мне придётся изменить лексику.

— Поздно.

— Кто?

— Нет.

— Почему три года?

— Нет.

— Что там было?

— Эрик.

— Что я сделал?

— Достаточно.

— Для кого?

Этьен поставил бокал.

— Для вас.

Эрик отвёл взгляд. За соседним столом женщина поправила мужу воротник. Он что-то недовольно буркнул, но не отстранился.

— Ладно.

Этьен насторожился.

— Что?

— Ничего.

— Вы слишком быстро отступили.

— Я запомнил, где копать.

— Вот этого я и боялся.

Официант подошёл к столу. Этьен заказал десерт.

— Я не хочу.

— Хотите.

— Откуда знаешь?

— Здесь превосходный тирамису.

— Ты сейчас приказал мне съесть десерт?

— Первый приказ за вечер, который может доставить вам удовольствие.

Эрик посмотрел на него.

— Так лучше.

Тирамису принесли на холодной фарфоровой тарелке. Эрик попробовал. Потом ещё раз. Этьен наблюдал.

— Молчи.

— Я и молчу.

— Самодовольно.

— Это уже ваша интерпретация.

Эрик доел ещё ложку.

— Хороший.

— Разумеется.

Позже в ресторане стало тише. Пожилая пара ушла. Официант погасил одну лампу у дальнего окна, и камин сразу стал заметнее. Эрик смотрел в стекло. Вместо озера там от-

ражался зал, белая скатерть и они двое.

— А из ада меня вытащили сразу?

Этьен поднял глаза.

— Нет.

— Сколько я там был?

— Опять.

— Вдруг сегодня хороший день.

— Для меня — нет.

— Год?

Этьен промолчал.

— Десять?

Этьен не ответил и на этот раз.

— Сто?

Этьен поставил бокал.

— Эрик, вообще-то вы должны быть благодарны уже за то, что оттуда вышли.

— Я благодарен.

— Не похоже.

— Как должна выглядеть благодарность?

— Хотя бы не как допрос человека, который не имел отношения к вашему попаданию туда.

Эрик задержал на нём взгляд.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

— Хорошо.

Этьен помолчал.

— Вы забыли, каково там?

Пальцы Эрика, лежавшие на столе, сжались. На короткий миг исчез камин, голоса, звон посуды. Остался только звон. Глухой. Бесконечный. И темнота, в которой невозможно было понять, существуют ли у тебя руки. Эрик разжал пальцы.

— Помню.

Этьен больше не стал ничего добавлять. Некоторое время они сидели молча. Потом Эрик спросил:

— Девочка сама свернула?

— Похоже.

— И План её не остановил.

— План никого не тащит за воротник.

— Зато посылает меня.

— Иногда.

Эрик покрутил пустой бокал.

— Она должна была просто доехать до школы.

— Да.

— Потом вырасти.

— Желательно.

— Учиться.

— Да.

— Сделать то, что должна.

Этьен покачал головой.

— Не совсем.

— Тогда коротко.

Этьен помедлил.

— План может проложить человеку дорогу. Идти по ней он всё равно должен сам.

Эрик принял ответ без комментария. Через несколько секунд сказал:

— Она спросила про женщину.

— Какую?

— Красный шарф.

Этьен вспомнил.

— Да.

— Сама еле дышала.

— Люди иногда удивляют.

— Обычно в худшую сторону.

— Обычно вы именно это замечаете.

Эрик ничего не ответил. Через минуту поднялся.

— Ты платишь.

— Почему?

— Вино твоё.

— Еда ваша.

— Но заказывал ты.

— По вашей неспособности определиться.

Эрик накинул пальто.

— Значит, сам виноват.

— Порочная логика.

— Рабочая.

У двери он остановился.

— Этьен.

— Да?

Эрик не обернулся.

— Женщина в красном шарфе жива?

Пауза была короткой.

— Жива.

Эрик кивнул.

— Хорошо.

Дверь закрылась. Этьен остался за столом, посмотрел на недопитый бокал Эрика, взял его и сделал глоток.

— Варвар.

Глава 4
Ленинград, февраль 1942 года

Ленинград замёрз до камня.

Снег забил дворы, спрятал трамвайные рельсы, лёг на карнизы и брошенные машины. Провода висели над улицами чёрными линиями, но вагонов не было. Люди шли по протоптанным тропам медленно, экономя силы так же, как еду. Эрик выделялся. Одежду он подобрал правильно: тёмное пальто, тяжёлые ботинки, шапка, перчатки. Но одежда мало что решала. Он был слишком крепким, слишком прямым, слишком спокойным. Не смотрел на чужие сумки и карманы. Не вздрагивал от далёкого грохота. Не считал шаги. Странный человек для этого города.

В другое время его заметили бы сразу. Сейчас людям было не до него. Женщина в двух пальто прошла мимо, при-

держивая платок у подбородка. Поверх обуви — намотанное тряпьё. Взгляд скользнул по Эрику и тут же ушёл. Он знал этот город. Знал, сколько ещё продлится блокада, сколько раз его будут обстреливать, сколько фамилий потом спрячут за одним словом — «погибшие». История любила цифры. Эрику всегда было проще с людьми. Сегодняшнее предписание было коротким:

Павел Андреевич Воронцов должен дойти.

Адрес был указан. Причина — нет. За двенадцать лет Эрик привык: если Этьен мог оставить что-то без объяснений, так и делал. У хлебного магазина закончилась очередь. Люди выходили по одному, прятали полученное под одежду и расходились. Последним появился Павел Андреевич. Семьдесят один год. В прошлом — школьный учитель истории. Вдовец. Сын погиб. От дочери несколько месяцев не было вестей.

Когда-то высокий, теперь он казался сложенным внутрь самого себя. Старое пальто висело на нём слишком свободно. Под ним старик что-то прятал. Он сделал несколько шагов, остановился, постоял и двинулся дальше. Эрик пошёл следом, держась в десятке шагов.

* * *

Старик заметил его почти сразу, но минут десять ничего не говорил. Потом остановился у стены дома.

— Вы за мной идёте.

Не вопрос.

— Иду.

Павел Андреевич оглянулся на пустую улицу.

— Давно?

— Достаточно.

— Зачем?

Эрик слегка пожал плечами.

— Пока не придумал нормального ответа.

Старик прищурился.

— Значит, ответ есть.

— Обычно есть.

Павел Андреевич смотрел внимательно. Эрик видел, как тот складывает детали: не голодный, не напуганный, слишком спокойный — и ни разу не посмотрел на свёрток под пальто. Наконец старик сказал:

— Грабить не будете.

— Нет.

— Хлеб вам не нужен.

— Нет.

— Убивать тоже вроде незачем.

Эрик усмехнулся.

— Если бы хотел, мы бы сейчас не разговаривали.

— Вот и я так думаю.

Он оттолкнулся от стены.

— Тогда идите.

— Не интересно зачем?

— Интересно. Но вы всё равно не скажете.

Эрик пошёл рядом.

— Почему решили, что я не опасен?

— Вы на хлеб не смотрите.

— И?

— Сейчас опасные люди сначала смотрят туда.

Эрик усмехнулся.

— Сорок лет детей учил, — добавил Павел Андреевич. — Людей быстро начинаешь понимать.

— Я почти не врал.

— Вот поэтому и интересно.

Дальше старик шёл впереди, а Эрик держался чуть позади. На перекрёстке навстречу прошла женщина с деревянными санками. На них лежало что-то длинное, завёрнутое в одеяло. Эрик посмотрел. Павел Андреевич не повернул головы.

— Не надо.

— Что?

— Смотреть.

— Почему?

— Не поможете.

Через несколько метров Эрик сказал:

— Вам тоже не помогает не смотреть.

Старик криво улыбнулся.

— А кто сказал, что должно?

Где-то далеко грохнуло. Никто на улице не обернулся. Даже Павел Андреевич.

* * *

Старуха сидела у стены прямо на снегу. Павел Андреевич остановился.

— Вам далеко, — сказал Эрик.

— Знаю.

— Тогда идите.

Старик посмотрел на женщину.

— Может, отдыхает.

— Конечно.

Павел Андреевич подошёл и тяжело присел рядом.

— Матушка.

Женщина подняла серое лицо.

— Уходите.

— Почему?

— Нечего у меня брать.

Старик полез за пазуху. Эрик сразу увидел хлеб. Не тот свёрток, который Павел Андреевич прятал под пальто. Другой — его собственный.

— Не стоит.

Старик разломил кусок и протянул половину.

— Берите.

— У вас самого...

— Берите.

— Не могу.

— Женщина, не испытывайте моё терпение. Я семьдесят лет его выращивал.

Она взяла. Павел Андреевич поднялся с трудом. Эрик придержал его за локоть.

— Сам.

Эрик отпустил.

— Как хотите.

Они пошли дальше.

— Вы отдали половину еды.

— Вижу, зрение у вас хорошее.

— Можете не дойти.

— Могу.

Эрик оглянулся. Женщина уже ела — крошечными кусками.

— Зачем?

Павел Андреевич тоже посмотрел назад.

— Потому что она тоже могла не дойти.

* * *

Через двадцать минут старик заметно сдал.

— Отдохните.

— Нет.

— Через квартал упадёте.

— Предсказываете?

— Наблюдаю.

Павел Андреевич прошёл ещё несколько шагов и всё же остановился.

— Три минуты.

— Пять.

— Три.

— Ладно.

Они укрылись под аркой. Эрик кивнул на свёрток.

— Что там?

— Хлеб.

— Ещё?

— Этот не мой.

— Чей?

Старик помолчал.

— Мальчику несу.

— Кто он?

— Сын бывшей ученицы. Вера. Училась у меня ещё до войны.

Оказалось, раньше они жили неподалёку. Осенью дом разбомбило, Вера с сыном перебралась к старшей сестре на другой конец города.

— Почему хлеб у вас?

— Вера умерла вчера.

— Где?

— В госпитале. Санитаркой работала.

Эрик понял остальное.

— Просила отнести?

Павел Андреевич кивнул.

— Зная, куда идти, согласились.

— Да.

— Она уже не узнает, дошли вы или нет.

Старик медленно повернул голову. Прищурился.

— Вы молодой.

Эрик усмехнулся.

— Выглядит так.

— Потому и говорите глупости.

— Объясните.

Павел Андреевич посмотрел на улицу.

— Если обещание действует только пока другой может спросить с тебя, это не обещание.

Он постучал пальцем по груди.

— Сделка.

Эрик запомнил.

— Всё, — сказал старик. — Пошли.

— Прошло две минуты.

— Значит, плохо считаете.

* * *

Первый взрыв прогремел далеко. Второй — ближе. Кто-то на улице ускорил шаг. Никто не побежал. Третий ударил совсем рядом. Посыпались стёкла. Павел Андреевич поднял голову.

— Во двор.

Эрик уже смотрел на карниз над аркой. По кирпичу побежала трещина. Кладка должна была рухнуть прямо на них. Он едва заметно поднял руку. В закрытый двор ворвался резкий порыв. Карниз сорвался, но кирпичи ушли в сторону и рухнули в нескольких метрах. Павел Андреевич посмотрел

сначала на обломки, потом на Эрика.

— Повезло.

— Бывает.

— Странный ветер.

— Зима.

— Я здесь шестьдесят восемь лет.

— Тогда всякое видели.

Часть кладки перегородила улицу.

— Обходить, — сказал старик.

— Далеко.

— Знаю.

Эрик подошёл к завалу и положил ладонь на кирпич, больше для вида. Почувствовал вес конструкции, нашёл слабое место и чуть изменил давление. Балка хрустнула. Кладка осела, открывая узкий проход. Павел Андреевич задержал на нём взгляд.

— Опять повезло.

— Мне часто везёт.

Старик ничего не сказал.

* * *

Темнело. Павел Андреевич почти перестал разговаривать. Эрик шёл чуть позади. Он мог остановить ветер, согреть воздух вокруг старика, расчистить улицу или сократить расстояние так, что нужная дверь оказалась бы рядом. Но предписание было сформулировано точно: Павел Андреевич должен дойти. В следующем дворе стояли трое подростков.

Старшему — лет семнадцать. Второму — пятнадцать. Третий был почти ребёнком. Острые скулы, огромные глаза, чужая одежда. Старший шагнул вперёд.

— Дед.

Павел Андреевич остановился.

— Чего?

— Хлеб есть.

Старик не ответил.

— Видели.

— Значит, видели.

— Дай.

— Не могу.

— Дед, не дури.

— Не моё.

Парень перевёл взгляд на Эрика.

— А ты иди.

— Нет.

Старший достал кухонный нож. Рукоятка была обмотана тряпкой. Рука дрожала от голода.

— Я сказал — иди.

Эрик посмотрел на нож и почти улыбнулся. Не потому, что было смешно. Просто человек снова решил пригрозить ему смертью. Внутри что-то шевельнулось. Балка над головой мальчишки могла сорваться и войти ему в грудь насквозь. Телогрейку можно было раскалить до белого жара. Стена справа весила несколько тонн. Достаточно двух точек

— и под ней останется только тёмное пятно. Ещё проще было заставить мостовую разойтись под ногами. Эрик видел всё это сразу. Слишком ясно.

Ярость жила где-то глубоко, там, куда он обычно не смотрел. Не кричала, не требовала. Ждала. Как огромный пёс у ноги хозяина, которому однажды могут сказать:

Фас.

Эрик медленно выдохнул. Нет. Мальчишка был голоден и слишком молод, чтобы понимать, кому угрожает.

— Чего улыбаешься? — спросил парень.

— Представил, чем закончится.

— Для тебя плохо.

— Нет.

Сказал спокойно. Мальчишка почему-то поверил. Павел Андреевич смотрел уже не на нож. На Эрика. Старший снова повернулся к нему.

— Хлеб, дед.

— Нет.

— Я тебя порежу.

— Тогда порежешь.

Парень замер.

— После этого хлеб станет твоим? — спросил Павел Андреевич.

— Да.

— Нет. Он всё равно не мой.

Нож снова поднялся. Эрик едва заметно шевельнул паль-

цами. Над ними заскрипел металл. Старый водосточный желоб сорвался и с грохотом упал в снег между ними. Подростки шарахнулись.

— Дома старые, — сказал Эрик.

Старший быстро посмотрел на него.

— Убери нож.

Теперь он подчинился. Павел Андреевич полез в карман.

— Даже не думайте.

Старик достал остаток своего хлеба и протянул младшему.

— Бери.

Мальчик схватил кусок. Старший смотрел на него.

— Нож выброс, — сказал Павел Андреевич.

— Чего?

— Не умеешь ты им пользоваться.

— Умею.

— Нет.

Павел Андреевич помолчал.

— И хорошо.

Парень бросил нож в снег. Они пошли дальше. Через несколько шагов Эрик спросил:

— Зачем?

— Они голодные.

— Они собирались вас ограбить.

— Да.

— Может, убить.

— Может.

Эрик оглянулся. Трое уже делили кусок — по крошке.

— Это не оправдание.

— Я их и не оправдываю.

Старик прошёл ещё немного.

— Голод иногда делает человека хуже, чем он есть.

Эрик посмотрел ему вслед.

— А иногда лучше?

Павел Андреевич обернулся.

— Сегодня видел и то и другое.

Эрик кивнул.

* * *

До дома оставалось меньше километра, когда старик упал. Эрик поймал его раньше, чем тот коснулся снега.

— Хватит.

— Нет.

— Дальше я донесу.

— Хлеб?

— Вас.

Павел Андреевич открыл глаза.

— Нет.

— Мне это не трудно.

— Поэтому и нет.

Эрик нахмурился.

— Хлеб дойдёт.

— Я тоже.

— Можете умереть через сто метров.

— Значит, через сто.

Эрик присел напротив.

— Вас смерть вообще не пугает?

Старик долго смотрел вдоль улицы.

— Когда-то пугала.

— А сейчас?

— Сейчас она слишком часто рядом.

— Привыкли?

— К смерти не привыкают.

Он помолчал.

— Просто перестаёшь думать, что она приходит только за другими.

— И всё равно идёте.

— Иду.

— Ради мальчика, который вам не родственник.

— Да.

— Ради женщины, которая умерла.

— Да.

— Ради одного слова.

— Да.

Эрик вспомнил людей, которые нарушали клятвы ради лишнего часа жизни. Тех, кто отдавал других за кусок хлеба.

— А вы отдаёте свой.

Павел Андреевич устало улыбнулся.

— Наконец добрались до вопроса.

Он говорил спокойно.

— Я пожил. Жена была. Дети. Школа. Двадцать лет объяснял мальчишкам, что списывать нехорошо, и двадцать лет они всё равно списывали.

Слабая улыбка.

— Нормально пожил.

— А закончить не страшно?

Старик подумал.

— Страшно.

Эрик поднял бровь.

— Наконец-то.

— Только это уже не главное.

— А что?

Павел Андреевич коснулся свёртка.

— Дойти.

— Почему?

— Потому что смерть — это уже не моя работа.

Он перевёл дыхание.

— А это пока моя.

Эрик не ответил. Поднялся и протянул руку.

— Теперь не спорьте.

— Командовать любите?

— Когда приходится.

— Французу тоже?

Эрик улыбнулся.

— Особенно ему.

* * *

Дом оказался пятиэтажным.

— Только не пятый.

— Четвёртый.

— Уже легче.

В подъезде было почти так же холодно, как снаружи. Первый этаж. Второй. Между вторым и третьим старик остановился.

— Сколько?

— Полтора.

— Врёте.

— Да.

На четвёртом он почти перестал идти. Дверь нужной квартиры была в конце коридора. Увидев её, Павел Андреевич немного выпрямился.

— Сам.

Эрик отпустил. Старик дошёл до двери и постучал. Открыла женщина лет пятидесяти.

— Павел Андреевич...

— Саша здесь?

Она кивнула.

— Вы зайдите.

— Сначала мальчика.

Через несколько секунд появился худой мальчик в слишком большом свитере.

— Дядя Паша?

Павел Андреевич улыбнулся. Достал свёрток.

— Это тебе.

Саша развернул бумагу. Хлеб. Он замер.

— Мама?

Женщина отвернулась. Павел Андреевич сказал тихо:

— Она велела есть понемногу. И слушаться тётю Нину.

Мальчик кивнул.

— И учиться.

— Школа закрыта.

— Откроют.

Саша шагнул вперёд и обнял его. Павел Андреевич положил ладонь мальчику на затылок.

— Всё.

Потом повернулся к Эрику.

— Дошёл.

Эрик кивнул.

— Дошли.

Старик покачал головой.

— Я.

Ноги подогнулись. Эрик поймал его.

* * *

Павел Андреевич умер через семь минут. Сидел возле почти холодной печки, сделал глоток воды и ещё раз напомнил мальчику не есть весь хлеб сразу. Потом закрыл глаза. Саша сидел напротив со свёртком на коленях. Эрик вышел.

* * *

Этьен ждал на улице. Шёл мелкий сухой снег.

— Выполнено.

— Я знаю.

— Он умер.

— Знаю.

Эрик посмотрел на слабый свет за фанерой четвёртого этажа.

— Мальчик выживет?

— Да.

— Надолго?

— Около трёх лет.

Эрик повернул голову.

— Потом?

— Болезнь.

— Что он сделает?

Этьен понял вопрос.

— Ничего великого.

— Совсем?

— Совсем.

Эрик снова посмотрел на окно.

— Тогда зачем?

— Что именно должен сделать человек, чтобы ты признал его жизнь достойной сохранения?

— Не начинай.

— Я спрашиваю.

— Обычно ты объясняешь коррекции последствиями.

— Потому что тебе так проще.

— А сейчас?

— Сейчас последствий, которые тебе понравятся, не будет.

Этьен посмотрел наверх.

— Он научится хорошо читать. Весной увидит лес. Подружится с мальчиком по имени Коля. Потом они поссорятся из-за деревянной машинки. Один раз он украдёт яблоко.

Эрик повернулся к нему.

— Яблоко?

— Вернёт.

— Масштабно.

— Для него — да.

Этьен продолжил:

— В двенадцать лет ему понравится девочка, которая об этом не узнает.

— А потом он умрёт.

— Да.

— И всё?

— И всё.

Эрик некоторое время молчал.

— Старик прошёл через полгорода ради этого?

— Нет.

— А ради чего?

— Ради обещания.

Эрик нахмурился.

— Тогда зачем умер?

— Потому что умирал.

Ответ прозвучал сухо.

— А шёл он, — добавил Этьен, — потому что дал слово.

Эрик опустил глаза.

— А мальчик?

— Будет жить.

— Ради чего?

Этьен пожал плечами.

— Почему обязательно «ради»?

Эрик ничего не ответил.

— Возможно, жизнь не обязана оправдывать своё существование перед тобой.

— Или перед Планом?

Этьен задержался с ответом.

— Возможно, перед ним тоже.

Снег ложился на носки ботинок Эрика.

— Три года.

— Три.

— Мало.

— Для тебя.

— Для него тоже.

— Откуда знаешь?

Эрик повернулся.

— Для тебя это кусок срока службы. Для него — три зимы, два лета, несколько книг, первый лес, украденное ябло-

ко и девочка.

Этьен посмотрел на окно.

— Его жизнь.

Эрик помолчал.

— Старуха?

— Доживёт до весны.

— Мальчишки?

Этьен прикрыл глаза.

— Конечно.

— И?

— Все трое переживут зиму.

Эрик кивнул.

— Старший всю жизнь будет помнить тот нож.

— Я не спрашивал.

— Знаю.

— Зачем сказал?

Этьен поправил перчатку.

— Решил однажды ответить чуть больше, чем требуется.

— Осторожнее. Привыкну.

— Не надейся.

Он сделал несколько шагов.

— Этьен.

Тот остановился. Эрик смотрел на дорогу, по которой они пришли.

— Я сначала решил, что старик не боялся смерти.

— А он боялся?

— Конечно.

Эрик немного помолчал.

— Просто было кое-что хуже.

Этьен ничего не сказал.

— Оказаться человеком, чьё слово ничего не стоит.

Этьен едва заметно кивнул и ушёл. Снег постепенно стирал следы Павла Андреевича. Эрик стоял, пока не исчез последний. Старик просто дошёл до двери. Этого оказалось достаточно.

Глава 5
До рассвета

Владимир, 7 июня 2019 года

Над Владимиром ещё шёл дождь, хотя солнце уже пробилось сквозь облака. Крупные тёплые капли падали сквозь солнечный свет, разбивались о плитку Соборной площади, собирались на листьях и стекали по спинкам скамеек. Тяжёлые облака, ещё недавно почти свинцовые, медленно расходились над городом.

Мокрая плитка вспыхивала отражениями. В лужах дрожал перевёрнутый собор. Золотые купола Успенского собора на несколько мгновений наливались таким светом, что на них хотелось смотреть, щурясь. Дождь постепенно стих, а затем закончился совсем. Солнце осталось. С ветвей ещё падали редкие тяжёлые капли, и над мокрой землёй уже поднималось первое тепло.

Из соседнего парка доносился шелест листвы. Через площадь слышалась дорога: негромкое шуршание шин, привычный гул троллейбуса, урчание автобуса, отходящего от остановки. Иногда ветер приносил из парка запах горячих сосисок и поджаренного хлеба. Пахло мокрой травой, землёй, прогретым камнем и той особенной свежестью, которая появляется после летнего дождя.

Люди замедляли шаг. Кто-то фотографировал собор. Женщина в прозрачном дождевике пыталась поймать последние капли на фоне солнца. Ребёнок прыгал по луже, пока мать без особого успеха изображала недовольство. Через несколько минут площадь снова жила своей обычной жизнью. И только одинокий молодой мужчина на скамейке словно выпадал из неё.

Ему было лет двадцать восемь — двадцать девять. Внешне ничего особенного: обычная куртка, джинсы, короткие волосы, несколько дней щетины. Но люди проходили мимо, смеялись, разговаривали, куда-то торопились, а он почти не двигался. Слишком неподвижно сидел для человека, который просто решил отдохнуть. Рядом стоял высокий стакан с кофе, о котором он, похоже, давно забыл.

Телефон лежал выключенным в кармане. Все дела на сегодня он отменил. Коллегам соврал, что заболел. Девушке написал, что ему нужно несколько часов побыть одному, а затем выключил телефон совсем. Утром он дал себе слово, что не уйдёт отсюда, пока не решит. Пока что это ока-

залось единственным решением, которое он сумел принять. Когда-то ему дали на тот же вопрос десять лет.

В восемнадцать десять лет казались чем-то неприлично огромным. Почти другой жизнью. Он помнил, как вышел после того разговора на улицу и даже усмехнулся. Десять лет. Да за десять лет можно стать кем угодно. Жениться, развестись, разбогатеть, уехать, вернуться, поменять профессию. Стать другим человеком. Потом ещё раз другим.

Тогда ему казалось, что времени столько, что ответ обязательно появится сам — где-нибудь между двадцатью и двадцатью восемью годами, между работой, друзьями, женщинами, ошибками, похмельем, первой настоящей зарплатой и чем-нибудь ещё важным, о чём он пока даже не знает. Теперь десять лет закончились. Человек, которому когда-то подарили три тысячи шестьсот с лишним дней на размышления, начал считать часы. Потом минуты.

Иногда проверял время через пять минут и раздражался, что прошло всего пять. Иногда вдруг обнаруживал, что потерял двадцать. В восемнадцать он не знал, куда девать десять лет. Теперь ему не хватало даже одной минуты.

* * *

Эрик перечитал предписание в третий раз. Перевернул лист. Пусто. Вернулся к единственной строчке. До рассвета он должен сделать выбор. Всё. Ни имени, ни сути отклонения, ни желательного результата. Даже не было сказано, между чем и чем выбирать.

— Очень содержательно, блядь.

Эрик ещё раз проверил оборот.

— Конечно нет.

Прохожий с зонтом покосился на него. Эрик поднял глаза, и тот предпочёл продолжить путь. Обычно к этому моменту появлялся Этьен. С идеально чистыми манжетами и выражением лица, по которому заранее было понятно: Эрик уже что-нибудь делает неправильно, даже если ещё ничего не начал. Сегодня его не было.

— Этьен...?

Никто не ответил.

— Ты прикалываешься?

Эрик подождал. Всё так же ничего. Сложил предписание пополам. Потом ещё раз.

— Я вам что, мальчишка? Пойди туда — не знаю куда. Помоги тому — не знаю в чём.

Бумага исчезла во внутреннем кармане. Он прошёл несколько шагов и остановился.

— И если что-нибудь пойдёт не так, конечно, виноват буду я. Очень удобно.

Этьен не появился. Эрик перестал разговаривать с пустым воздухом. Он давно привык, что ему не рассказывают всего. К фразе «не могу ответить» он относился почти как к форме приветствия. Но сейчас было другое. Ему дали человеческую судьбу и даже не обозначили направление. Он понятия не имел, чего от него хотят. А хуже всего — любое сказанное им

слово могло оказаться тем самым, после которого человек сделает выбор. Не тот. Если его сюда отправили — значит, разбираться.

* * *

Человека он заметил быстро. Тот сидел на дальней скамейке у дорожки между собором и парком. Обычная куртка, джинсы, тёмные кроссовки. Рядом высокий стакан с кофе. Вокруг все чем-то занимались. Шли, фотографировали, разговаривали, ждали кого-то. Этот просто сидел. И по лицу было видно: занят он при этом куда больше остальных. Эрик остановился метрах в двадцати.

— Ты?

Ответа, естественно, не последовало. Мимо прошли парень с девушкой. Она что-то сказала, он рассмеялся. Мужчина на скамейке проводил их глазами и снова уставился на собор.

— Конечно ты.

Оставалось решить, как подойти. В собственном облике Эрик располагал к откровенности примерно так же, как открытый нож. Высокий мужчина лет тридцати с тяжёлым взглядом и болезненно-бледной кожей, который вдруг садится рядом и начинает расспрашивать о жизни, — сомнительный собеседник. Возле собора возился пожилой мужчина. Сгребал мелкие веточки после дождя, поправлял ведро, сметал воду с дорожки.

Потрёпанная временем курточка, кепка, седая борода, су-

тулая спина. Из тех людей, которых можно видеть годами и ни разу не спросить, как зовут. Эрик свернул за деревья. Когда вышел обратно, он уже выглядел стариком: похожая одежда, та же сутулость и возраст, но другое лицо.

* * *

— Здесь мокро.

Эрик провёл рукой по краю скамейки.

— Ничего...

— Я просто предупредил.

— Спасибо.

Он сел. Парень явно этого не ожидал.

— Там сухие есть.

— Вижу.

— И?

— Эта понравилась. Тут вид совсем другой.

Андрей тяжело вздохнул. Они уставились перед собой. Через несколько секунд он ёрзнул на скамейке; солнце как раз спряталось за облаками.

— Вы кого-то ждёте? — не выдержал молодой человек.

— Нет.

— Тогда почему здесь сидите?

Старик потёр колени.

— Отдохнуть решил.

— А...

Опять тишина. Эрик почувствовал себя идиотом. Он умел разговаривать с людьми. Во всяком случае, до сегодняшнего

дня был в этом уверен.

— Красиво, — сказал он наконец.

— Что?

— Дождь.

— Уже закончился.

— Я заметил.

— Тогда при чём тут дождь?

— Да ни при чём уже.

Парень отвернулся, но губы дрогнули.

— Я вообще-то хотел один посидеть.

— Так сиди.

— Вы рядом.

— Я не мешаю.

— Немного мешаете.

— Могу просто молчать.

— Было бы неплохо.

Эрик кивнул. Выдержал секунд двадцать.

— Ты уже минут десять смотришь на собор так, будто он тебе денег должен.

Парень резко повернулся. Потом всё-таки рассмеялся.

— Если бы денег.

И снова замкнулся. Эрик не стал расспрашивать. Через некоторое время молодой человек сам нарушил молчание.

— Даже не интересно?

— Что?

— Почему я так смотрю.

— Ты же просил молчать.

— Господи...

— Вот. Уже ближе к теме.

Теперь парень разглядывал его без прежнего раздражения.

— Вы всегда такой?

— Старый?

— Нет. Занудный.

— Не знаю. Может, с возрастом.

* * *

— Мне завтра надо дать ответ.

— Кому?

Парень кивнул в сторону собора.

— Церкви.

— Всей?

— Практически.

— Понятно.

— Правда?

— Нет.

— Тогда зачем сказали?

— Люди часто так делают.

— Вы особенно.

— Возможно.

Постепенно молодой человек начал рассказывать. Сначала по кускам, словно проверяя, не начнёт ли старик после каждого предложения учить его жить. Старик не начинал, и

история пошла дальше. Десять лет назад Андрею было восемнадцать. Первый курс, машины, друзья, девушки. Денег всегда меньше, чем планов на выходные. Мать верила. Отец держался от Церкви в стороне. Причина выяснилась гораздо позже. Однажды Андрею позвонили и сообщили, что с ним хочет поговорить глава Владимирской епархии.

— Лично?

— Вот и я так спросил.

— И?

— Сказали: лично.

— Ты пошёл?

— А вы бы не пошли?

— Пошёл бы.

* * *

Восемнадцатилетний Андрей больше всего запомнил чай. Тонкая фарфоровая чашка стояла перед ним на блюдце. Он боялся её трогать: казалось, стоит взять — обязательно что-нибудь прольёт. Поэтому сидел слишком прямо, держал руки на коленях и пытался выглядеть человеком, которого постоянно приглашают на подобные разговоры. Получалось плохо.

Перед ним сидел пожилой архиепископ Владимирский и Суздальский. Говорил спокойно, без торжественности, словно рассказывал совершенно обычную семейную историю.

— Ваш прадед был известным священником.

Сначала Андрей решил, что ослышался. Потом прозву-

чало имя. Он его знал — не как родственника, а из книг и рассказов матери. Кажется, даже фотографию где-то видел. Потом заговорили о деде. Служение, преподавание, работа в епархии. Знакомые фамилии. Оказалось, фамилию самого Андрея знали люди, которых он прежде считал совершенно чужими.

— Ваш отец выбрал другую жизнь, — сказал архиепископ.

Андрей наконец заговорил:

— Почему мне тогда никто ничего не рассказал?

— Это вопрос не ко мне.

— А зачем я здесь?

Архиепископ чуть откинулся в кресле.

— Потому что решение вашего отца не обязано быть и вашим.

Фраза Андрею не понравилась. Слишком многое она вдруг разрешала. Ему объяснили спокойно: если захочет, сможет получить духовное образование. Ему помогут, подскажут, познакомят с людьми, у которых стоит учиться. Никто не обещает должность или сан и не знает, куда вообще приведёт такой путь. Но если решит идти — один не останется. Андрей слушал. За дверью ходили люди. Кто-то заходил с бумагами, тихо спрашивал, получал ответ и уходил.

Впервые в жизни серьёзные взрослые люди разговаривали с Андреем так, будто от него однажды действительно может что-то зависеть. Не сегодня — потом. Андрей сидел перед

ними слишком прямо и старался не показать, насколько ему это нравится.

— Мне сейчас надо решить?

Архиепископ слегка улыбнулся.

— Нет.

— А когда?

— Когда перестанете быть тем мальчиком, который сейчас сидит передо мной.

Андрей покраснел.

— И сколько это займёт?

— Не знаю. Десяти лет хватит?

Андрей едва не рассмеялся. Десять лет. Безумная цифра.

— Наверное.

— Тогда живите.

— В смысле?

— В самом обычном. Учитесь, работайте, влюбляйтесь. Ошибайтесь. Разочаровывайтесь. Посмотрите, кем станете.

— А потом?

— Через десять лет, утром после окончания срока, вас будут ждать. Возможно, уже не я. Но ждать будут.

— А если не приду?

— Значит, это и будет ваш ответ.

Андрей наконец взял чашку. Чай уже остыл.

* * *

— Я вышел оттуда и думал вообще не о Боге, — сказал Андрей.

— А о чём?

— О том, какую жизнь мне показали.

— Нормально.

— В смысле?

— В прямом. Тебе восемнадцать.

— И что?

— И то.

— Очень глубокая мысль.

— Не все обязаны быть глубокими.

Ему не обещали богатства, сана или должности. Просто открывали дверь: образование, наставники, люди, до которых обычный парень ещё не скоро добрался бы сам. Если понадобится помощь — помогут. Если проявит способности — заметят. Семейная история ничего не гарантировала, но могла сильно сократить дорогу.

— Мне было восемнадцать, — сказал Андрей. — Семьсот рублей в кармане и мечты об успешной и сытой жизни.

— Неплохое начало.

— А мне показали дорогу, которая уходила... далеко, короче.

— И тебе понравилось.

— Конечно понравилось.

В обычной жизни таких перспектив он перед собой не видел. Можно двадцать лет работать, менять компании, надеяться, что кто-то заметит. А здесь была система, традиция, люди, которые помнили его семью. Успеха никто не гаран-

тировал. Но быстрый старт давали.

— Потом мне иногда даже стыдно становилось.

— За что?

— Что я думал не о вере.

— А о себе.

— Ну да.

— В восемнадцать.

— Опять защищаете?

— Нет. Рассуждаю.

* * *

С отцом Андрей поговорил в тот же вечер. Вернее, накричал на него. Отец почти ничего не ответил. Несколько дней дома было неприятно тихо, пока тот сам не пришёл к сыну. Сел и рассказал. Его собственный отец действительно был прекрасным священником. Прихожане его любили. К нему приходили ночью, звонили, просили приехать в больницу. Он хоронил, исповедовал, мирил семьи, искал деньги на операции чужим детям. Для огромного количества людей он был человеком, который появлялся, когда становилось плохо.

Его собственный сын чаще видел пустой стул. Потом умерла мать.

— Дед опять был не дома, — сказал Андрей.

Эрик слушал.

— Не гулял, не пил. Ничего такого. Был у кого-то. Кому-то снова понадобился.

— А жена?

— Ей тоже был нужен.

Андрей провёл пальцем по влажному краю скамейки.

— Отец сказал, что простил его. Но для себя решил: так жить не будет.

— И тебя поэтому держал подальше.

— Да.

— Чтобы Церковь не забрала.

— Он бы так не сказал.

— А как?

— Чтобы я сначала понял, кто я вообще такой.

— Его слова?

— Почти.

* * *

За десять лет Андрей менял решение столько раз, что давно перестал считать. В двадцать — точно нет. В двадцать два — скорее да. В двадцать четыре вся эта история казалась семейным безумием. Потом всё посыпалось. Работа, отношения, деньги. Несколько неудачных решений подряд.

Один год Андрей вспоминать особенно не любил.

— Тогда я почти решил идти.

— В Церковь?

— Да.

— Почему?

— Потому что здесь всё летело к чертям.

Эрик чуть поморщился.

— Что?

— Ничего.

— Опять эта морщина.

— Какая ещё морщина?

— Вот эта. Где вы уже всё про меня поняли.

— Я ничего не понял.

— Не врите.

— Хорошо. Я подумал, что ты хотел спрятаться.

Андрей напрягся.

— От чего?

— От всего этого.

— Очень конкретно.

— Сам сказал, что всё летело к чертям.

— И что? Значит, если человек ищет другой путь, он обязательно бежит?

— Нет.

— А я, значит, бегу?

— Я сказал, что подумал.

Андрей поднялся, прошёл несколько шагов, зачем-то пнул мелкий камешек. Вернулся.

— Легко вам говорить.

Эрик уже собирался ответить резко. Передумал.

— Да.

— Что «да»?

— Мне легко.

Андрей растерялся.

— И всё?
— А что ещё?
— Не знаю.
— Вот и я.
Андрей сел обратно.
* * *
Последний год всё испортил.
В хорошем смысле. Работа внезапно наладилась. Появился новый проект. Вернулись старые друзья. Андрей снова начал интересоваться чем-то, кроме собственных проблем. И появилась Катя.
— Вот это уже серьёзно, — сказал он.
Эрик прищурился.
— Беременна?
— Что?!
— Ты сказал «серьёзно».
— Нет!
— Тогда нормально рассказывай.
— Господи...
— Опять по адресу.
Андрей уставился на него и вдруг расхохотался.
— Нет. Не беременна.
— Понял.
— Слава богу.
— Хватит уже.
Когда Андрей заговорил о Кате дальше, голос стал мягче.

— Она мне сначала вообще не нравилась.

— Бывает.

— И всё?

— А что сказать?

— Не знаю. Вы обычно что-нибудь говорите.

— Учусь молчать.

— Наконец-то.

Познакомились они через общих знакомых, потом несколько месяцев почти не пересекались. А в самый плохой период Андрей переезжал. Один. Денег мало, настроение ниже плинтуса. Катя узнала и приехала помогать.

— Не звал?

— Нет.

— Наглая.

— Очень.

Они три часа собирали дешёвый шкаф. Потом выяснилось, что одну деталь поставили наоборот. Андрей психанул и предложил выбросить шкаф с балкона. Катя сказала, что сначала выбросит его. Поругались. Сломали полку. Заказали дешёвую пиццу. Под утро уснули прямо на полу среди коробок и винтов.

— И тогда понял?

— Что?

— Про неё.

— Нет.

— А когда?

Андрей задумался.

— Утром, наверное.

— Что было утром?

— Ничего.

Он тихо усмехнулся.

— Просыпаюсь. Шкаф кривой, пицца засохла, голова болит. Она спит на моей куртке прямо на полу.

— Романтика.

— Вот именно. И мне спокойно.

Эрик больше ничего не спросил.

— Наверное, тогда и понял.

* * *

— Она знает про завтра?

— Нет.

— За год не рассказал?

— Собирался.

— Когда?

— После решения.

— Удобно.

Андрей нахмурился.

— Почему сразу удобно?

— Потому что тогда она уже ничего не изменит.

— Я не поэтому.

— А почему?

Ответа сразу не было.

— Потому что она спросит, чего хочу я.

— И?

— А я не знаю.

Эрик перевёл взгляд на собор. Слова выскочили раньше мысли:

— Если любишь её, какого чёрта ты вообще выбираешь?

Андрей сразу затих. Эрик понял ошибку.

— Вот, — сказал Андрей.

— Что?

— Наконец-то.

— Что наконец-то?

— Вы сказали, что мне делать.

— Я не это...

— Именно это.

— Ладно. Хреново сказал.

— А если я останусь из-за неё?

Эрик промолчал.

— И через пять лет начну думать, что именно из-за неё не пошёл?

— Это уже...

— Нет, подождите. Вы же сами начали.

Эрик закрыл рот.

— Допустим, у нас всё хорошо. А я всё равно иногда думаю: кем мог бы стать? Или всё плохо — и тогда вообще прекрасно. Смотрю на неё и думаю: вот, из-за тебя.

— Не факт, что будешь.

— Не факт. А если буду?

— Не знаю.
— Вот.
— Что «вот»?
— Вы тоже не знаете.
— Я этого и не скрывал.
— Только совет уже дали.
Эрик поморщился.
— Забудь.
— Очень удобно.
— Согласен.
Андрей повернулся к нему.
— Вы вообще понимаете, что советуете людям?
— Обычно больше, чем сейчас.
— Успокаивает.
— Меня тоже не очень.

Разговор заглох. Эрик отвернулся к собору. Впервые за вечер ему захотелось, чтобы Этьен всё-таки появился и сказал, что именно здесь считается правильным.

* * *

Через какое-то время Андрей сам вернулся к теме.
— Отец знает, что срок заканчивается.
— И что говорит?
— Ничего.
— Совсем?
— Вообще.

Неделю назад они сидели на кухне. Отец чинил рукоять

старого ножа. Андрей долго молчал, потом не выдержал:

— Тебе вообще не интересно, что я выберу?

Отец поднял глаза.

— Очень.

— Тогда почему не спрашиваешь?

— Потому и не спрашиваю.

— Нормально объяснить можешь?

Отец отложил нож.

— Я всю жизнь боялся, что Церковь однажды заберёт тебя так же, как забрала моего отца.

— Пап...

— Подожди.

— Потом я понял: если буду тащить тебя в другую сторону изо всех сил, чем я лучше?

Отец снова взял нож, и на этом разговор закончился. На скамейке Андрей шумно выдохнул.

— Очень помог, конечно.

— Умный отец.

— Иногда хочется убить.

— Одно другому не мешает.

— Это у вас универсальная фраза?

— Похоже.

* * *

К вечеру людей стало меньше. Владимир постепенно зажёг фонари. После дождя свет лежал в лужах, и под ногами появился ещё один город — перевёрнутый, дрожащий от

капель с деревьев. Где-то всё ещё ходил троллейбус. Через площадь тяжело тронулся автобус. Потом стало тише. Они говорили уже без порядка. Про работу, отца, Катю, людей, которых Андрей терпеть не мог. В какой-то момент он начал рассказывать про начальника, перескочил на Катю, потом опять вернулся к работе. Эрик потерял нить.

— Я бы на твоём месте уволился.

Андрей моргнул.

— Что?

— С таким начальником.

— Я про Катю последние две минуты.

— Правда?

— Да.

— Тогда не увольняйся.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

— Вот почему старикам нельзя рассказывать длинные истории.

— Вот почему молодым надо научиться рассказывать нормально.

Андрей рассмеялся. Через некоторое время из парка снова потянуло горячим хлебом и сосисками.

— Есть хочу, — признался Андрей.

Эрик поднялся.

— Наконец нормальный вопрос.

— Я ничего не спрашивал.

— Тем лучше.

Вернулся с двумя сосисками в хлебе.

— Вы при храме работаете? — спросил Андрей, принимая одну.

— Сегодня.

— А обычно?

— По-разному.

— Вы странный.

— Уже говорил.

— Просто убеждаюсь.

Они ели молча. Горчица оказалась слишком острой. Андрей закашлялся. Эрик протянул ему салфетку.

— Спасибо.

— Не за что.

— Вот сейчас вы впервые за весь день просто нормальный дед.

— Не привыкай.

Андрей снова закашлялся от смеха. На несколько минут никакого выбора не существовало. Были только еда, влажный вечер и два человека на скамейке.

* * *

Ближе к полуночи Андрей спросил:

— А вы бы что выбрали?

— Не знаю.

— Опять.

— Опять.

— Удобно.

— Уже слышал.

— Вы столько часов меня слушаете. Ну хоть что-нибудь же думаете?

— Много чего.

— Например?

Эрик потёр колено.

— Что ты хочешь, чтобы кто-нибудь решил за тебя.

— Да господи, опять.

— А что?

— Ничего я не хочу.

— Тогда зачем спрашиваешь меня?

— Потому что иногда люди спрашивают совет.

— А потом делают по-своему.

— Часто.

— Ну и отлично.

— Вы уходите от ответа.

— Конечно.

Андрей покачал головой.

— Знаете, если вы скажете «иди», мне правда станет легче.

— Знаю.

— Если скажете «не иди» — тоже.

— Вот.

— Но это не значит, что я потом свалю всё на вас.

— Не свалишь?

— Может, немного.

— Уже честнее.

Андрей усмехнулся.

— Я вас завтра всё равно больше не увижу.

— Это ты так думаешь.

— Что?

— Ничего.

— Опять начинаете.

— Привыкай.

— Не хочу.

Они помолчали.

— А если мне правда нужен совет? — спросил Андрей уже без прежней иронии.

— Тогда мне нечего тебе дать.

— В смысле?

— Не знаю я, что тебе делать.

— Тогда зачем вы вообще со мной весь день сидите?

Эрик хотел ответить сразу, но передумал. За годы службы он видел людей разными. Трусов, которые лезли под огонь. Хороших людей, совершавших мерзости. Хладнокровных убийц, бросавшихся в пекло, чтобы вытащить двух малышей. Людей, которые были абсолютно уверены в своей правоте, пока не становилось поздно. Он много знал о людях. Но всё это не складывалось в инструкцию к одному конкретному Андрею.

— Наверное, я просто помогаю тебе говорить.

Андрей ждал продолжения.

— И всё?

— Пока да.

— А умная фраза?

— Закончились.

— Наконец-то.

* * *

После часа ночи Эрик перестал пытаться быть полезным каждую минуту. Просто спрашивал. Иногда Андрей отвечал сразу. Иногда раздражался или уходил в сторону.

— Чего ты боишься лишиться, если останешься?

— Всего.

— Это не ответ.

— Катю.

— Ещё?

— Работу.

— Ещё?

— Друзей.

— И?

— Нормальную жизнь, чёрт возьми.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Наконец сказал.

— А если пойду туда?

— Не знаю. Ты скажи.

Андрей задумался.

— Там другая жизнь.

— Какая?

— Понятнее.

— Почему?

— Потому что там есть путь.

— А здесь нет?

— Здесь я его сам строю.

Эрик слегка повернулся к нему.

— А.

— Что «а»?

— Ничего.

— Нет, теперь говорите.

— Не хочу испортить.

— Прекрасно.

Андрей некоторое время разглядывал свои руки, затем сам продолжил:

— Наверное, вот это и бесит. Там дорога уже есть. А здесь я каждый раз сам решаю, куда дальше.

Эрик не вмешался.

— И если всё рухнет — тоже мой косяк.

— Может быть.

— А там можно сказать: я сделал всё как надо.

— Можно.

— Даже если несчастлив.

Эрик дал ему подумать.

* * *

Около двух ночи Андрей сам вернулся к Кате.

— Если я ей сейчас позвоню, станет хуже.

— Почему?

— Если скажет «останься» — я буду думать об этом.

— А если скажет «иди»?

— Тоже.

— Значит, не звони.

— Это совет?

Эрик усмехнулся.

— Нет. Делай что хочешь.

— Вот теперь верю.

Оба рассмеялись.

— Любой её ответ будет слишком удобным, — сказал Андрей уже серьёзнее.

Эрик кивнул. Это была уже не его мысль.

* * *

После трёх Андрей ненадолго задремал. Эрик остался рядом. Ночной воздух стал прохладнее, площадь почти опустела. Он наблюдал за спящим человеком и ощущал странность этой коррекции. За человеческую жизнь отвечал много раз. За смерть тоже. Но там существовал результат. Здесь результатом должно было стать решение, которого он сам не знал. Одно случайное предложение могло остаться в голове Андрея на годы. Эрик поднял голову к небу.

— Надеюсь, вы знаете, что делаете.

Ответа не было.

— Я тоже так думал.

* * *

Небо стало светлеть. Ночь ещё не закончилась, но уже потеряла плотность. Постепенно проступили очертания собора, окна, золотые купола. Андрей проснулся и некоторое время сидел неподвижно. Затем выпрямился. Эрик заметил перемену раньше, чем тот заговорил.

— Решил?

— Да.

Эрик едва не спросил сразу. Сдержался. Андрей заметил.

— Ну?

— Что?

— Не спросите?

— Хочу.

— И?

— Не буду.

— Почему?

— Теперь уже правда не моё дело.

Андрей поднялся.

— Спасибо.

— За что?

— Даже не знаю.

— Хороший итог.

— Наверное, за то, что в конце концов перестали советовать.

— Один раз попробовал.

— Мне хватило.
— Мне тоже.
Они пожали руки.
— Как вас зовут?
Эрик секунду подумал.
— Егор.
— Правда?
— Нет.
Андрей уставился на него.
— Вы издеваетесь?
— Немного.
— Андрей.
— Знаю.
— Откуда?
Эрик понял ошибку.
— Говорил ночью.
— Не говорил.
— Значит, показалось.
Андрей внимательно изучил лицо старика.
— Очень странный вы дед.
— А ты очень долго думаешь.
— Десять лет.
— Вот именно.
Андрей сделал несколько шагов.
— Егор!
Эрик обернулся.

— А если ошибусь?
— Ошибёшься.
— Это всё?
— Нет. Потом будешь разбираться.
Андрей хмыкнул.
— Хотелось бы как-то понадёжнее.
— Мне тоже.
— Гарантий нет?
— Не заметил.
Андрей кивнул и пошёл к площади.
* * *

Утром его действительно ждали. Не тот человек, с которым он говорил десять лет назад. Другой, моложе. На столе стоял чай. Рядом лежала папка, которую никто не торопился открывать.

— Вы приняли решение?
Андрей сел.
— Да.
— Хорошо.
Он потёр большим пальцем край ладони.
— Нет.
Собеседник кивнул без удивления.
— Уверены?
— Нет.
— Понимаю.
— Но ответ всё равно нет.

— Хорошо.

Андрей поднял глаза.

— И всё?

— А что вы ждали?

— Не знаю.

— Десять лет назад вам предложили подумать. Вы подумали.

Они немного помолчали.

— Второго такого предложения может не быть, — добавил собеседник.

— Я понимаю.

— Тогда вопросов нет.

Через несколько минут Андрей вышел на улицу, включил телефон и обнаружил множество сообщений. Нашёл нужное имя. Позвонил. Ответили почти сразу.

— Ты где?!

Андрей невольно улыбнулся.

— Кать...

— Ты понимаешь, что я всю ночь...

Он слушал, не перебивая. Потом сказал:

— Можно я приеду?

* * *

Много лет спустя Эрик снова оказался во Владимирской области. Совсем по другому делу. Небольшое село он собирался проехать насквозь и проехал бы, если бы не качели. Девочка лет семи сидела на деревянной доске, держась за ве-

рёвки. Спина прямая, голова чуть набок, ноги вытянуты вперёд. Она ещё не заметила его. Эрик остановился. На мгновение перед ним была другая девочка. Та же спина, тот же наклон головы, та же рука на верёвке. Она тоже ещё не увидела его. Эрик машинально раздвинул руки.

Чужая девочка повернула голову. Он медленно их опустил.

— Пап! Смотри!

Мужчина возле церковной ограды не поднял головы. Возился с деревянной калиткой и одновременно объяснял мальчику лет десяти, почему молотком не бьют по шурупу.

— Пап!

— Вижу!

— Ты не смотришь!

— Я отцовским зрением вижу.

— Так не бывает!

— У отцов бывает.

Из дома выбежал ещё один ребёнок, совсем маленький, в одном носке. Следом появилась женщина.

— Андрей!

Мужчина поднял голову.

— Что?

— Обед!

— Сейчас.

— Ты час назад сказал «сейчас».

— Я почти закончил.

— Эту калитку ты «почти закончил» ещё весной.

— Зато стабильно.

Она пыталась сердиться, но не особенно получалось. Андрей рассмеялся. Борода скрывала половину лица, на висках появилась седина. На одном пальце пластырь, рукава закатаны, на ладонях опилки. Под навесом стоял верстак с недоделанным деревянным стулом. Рядом лежали стружка, стамески и несколько струбцин. Женщина подошла ближе и поправила ему воротник.

— Батюшка, вас люди ждут.

— Пять минут.

— Конечно.

— Правда.

— Детям расскажи.

Он поймал её за руку. Она наклонилась и поцеловала мужа в щёку. Младший тут же потребовал:

— И меня!

Получил поцелуй.

— И меня! — закричала девочка.

— По очереди.

Старший мальчик демонстративно отвернулся.

— А тебя?

— Я уже взрослый.

— Вчера другое говорил.

— Мам...

Все засмеялись. Эрик стоял у дороги и смотрел на ста-

рый дом, небольшой сельский храм, немолодую машину и калитку, которую не могли починить с весны. Трое детей, жена, верстак. Андрей выглядел уставшим; ему ещё предстояло служить, куда-то ехать, чинить крышу, возвращаться поздно. Потом он заметил человека у дороги.

— Вам помочь?

— Нет.

— До города далеко. Если пешком — потом подвезу.

— Я не пешком.

— Тогда заходите хоть чаю выпить.

Эрик глянул на дом. Девочка снова качнулась. Его пальцы едва заметно сжались.

— Спасибо. Не надо.

— Зря. У жены пирог хороший.

Из окна тут же донеслось:

— Я всё слышу!

Андрей поднял голову.

— Видите? Всё официально подтверждено.

Эрик усмехнулся.

— Хорошо живёшь?

Андрей моргнул.

— Нормально.

Андрей оглянулся на дом, детей, жену, свою калитку.

— Хорошо.

— Не жалеешь?

Его взгляд скользнул к церкви.

— Иногда.
— И всё равно хорошо?
— А почему нет?
— Не знаю.
— Вот и я.
— Пап!
— Иду!
Андрей поднял молоток.
— Чай точно не будете?
— Точно.
— Ну, как хотите.
Он уже собирался уйти, но задержался.
— Слушайте...
Эрик поднял глаза.
— Мы раньше не встречались?
— Не думаю.
— Странно.
— Что?
Андрей нахмурился, всматриваясь в его лицо.
— Да ничего. Просто...
— Что?
— Вопросы у вас какие-то знакомые.
Эрик не ответил. Из дома опять позвали.
— Андрей!
— Да иду я!
Он сделал несколько шагов. Девочка спрыгнула с качелей

и побежала к нему. Андрей подхватил её, а старший тут же полез следом, доказывая, что его тоже можно поднять. У самой двери Андрей вдруг обернулся. Эрик всё ещё стоял у дороги. Андрей пытался что-то вспомнить. Может быть, интонацию. Какое-то слово. А может, ничего. Эрик слегка улыбнулся. Андрей ответил тем же. Потом жена потянула его за рукав, и он исчез в доме.

* * *

— Теперь понял?

Этьен стоял чуть поодаль. Эрик не обернулся.

— Ты выбрал отвратительный момент.

— Я не выбирал.

— Конечно.

— Где ты был тогда? — спросил Эрик.

— Меня не допустили к коррекции.

Теперь он повернулся.

— Почему?

— Потому что мог узнать больше, чем следовало вам.

— И?

— Вы бы спросили.

— Я не управляю чужой волей.

Этьен поправил манжет.

— Именно поэтому вы обычно находите другие способы помочь.

Эрик собирался возразить, но передумал. Дом за оградой снова наполнился детскими голосами.

— Значит, тогда он выбрал правильно?

— Он выбрал.

— Очень полезно.

— Другого ответа нет.

— А если бы согласился?

Этьен чуть повёл плечом.

— Этого уже никто не узнает.

Эрик снова посмотрел на дом. Когда-то этому человеку открыли дорогу наверх. Он отказался. А затем всё равно пришёл в Церковь. Позже, без обещаний и заранее приготовленного места.

— План всё-таки привёл его сюда.

Этьен покачал головой.

— Нет.

Эрик повернулся. Этьен смотрел на дом.

— Он пришёл.

Вдалеке прогремел гром. Во двор снова выбежала девочка и полезла на качели. Упала первая капля. Затем ещё одна. А между тяжёлыми облаками уже пробивалось солнце.

Глава 6
Предел

Франкфурт-на-Майне, ФРГ. Сентябрь 1989 года

Мартин Хартманн проснулся за три минуты до будильника. Так бывало почти всегда. Он лежал с закрытыми глазами и слушал дом: тихо работал холодильник, где-то на ули-

це проехала машина, Елена рядом дышала ровно, повернувшись на бок. Одеяло сползло с её плеча. Мартин осторожно накрыл её. Она не проснулась.

На тумбочке лежали отцовские часы — старые, механические, с потёртым кожаным ремешком. Мартин мог позволить себе любые другие. Несколько месяцев назад один из членов правления даже пошутил, что человеку с его должностью не пристало носить часы дешевле собственного ремня. Мартин посмеялся вместе со всеми. Часы менять не стал. В шесть сорок пять он уже брился. В семь разбудил Феликса. В семь десять — ещё раз. В семь пятнадцать стащил с него одеяло.

— Пап!

— Доброе утро.

— Я тебя ненавижу.

— До завтрака пройдёт.

— Не пройдёт.

— Тогда придётся с этим жить.

Феликсу было восемь, и необходимость ходить в школу он воспринимал как личное оскорбление со стороны государства. Елена появилась на кухне в халате.

— Не издевайся над ребёнком.

— Я готов поменяться. Он идёт в банк, я в школу.

Феликс приподнялся.

— А сколько тебе платят?

— Много.

— Тогда согласен.

— Поздно.

Елена поставила перед сыном какао и ткнула мужа пальцем в плечо.

— Сегодня к ужину будешь?

Мартин открыл холодильник.

— Конечно.

— Вчера ты тоже так говорил.

— Вчера был четверг.

— Железный аргумент.

— Сегодня пятница.

— И?

— По пятницам приличные мужья возвращаются домой вовремя.

Елена фыркнула.

— Где ты таких видел?

Мартин обнял её со спины.

— Одного знаю.

— Самоуверенный.

— Зато красивый.

— Кто тебе сказал?

— Мама.

Елена рассмеялась. Феликс скривился:

— Фу.

Мартин поцеловал жену в висок. Ребёнок внутри толкнулся. Он почувствовал движение ладонью и замер. Каждый раз

это почему-то удивляло.

— Снова?

Елена кивнула. Мартин присел перед ней.

— Доброе утро.

— Она тебя не слышит.

— Слышит.

— Откуда знаешь?

— Я банкир. Мы всё знаем.

— Пап, а если будет мальчик?

Мартин поднялся.

— Тогда последние пять месяцев мы зря называем его Кларой.

— Я говорил, что надо было Ганс.

— Никто не будет называть моего ребёнка Гансом.

— Почему?

— Потому что я его люблю.

Елена поставила на стол свёрток.

— Держи.

— Что это?

— Твой обед.

— Я не в школе.

— Если бы ты питался как взрослый человек, я бы не собирала тебе бутерброды.

Мартин сунул свёрток в портфель.

— В семь буду.

— В половине седьмого.

— В семь.

— Хорошо. В семь.

Елена протянула руку.

— Обещаешь?

Мартин пожал её совершенно серьёзно.

— Господин Хартманн даёт слово.

— Тогда принято.

Он вышел из дома в семь сорок две. Обычная пятница. Один из тех дней, которые потом не помнят.

* * *

На соседнем крыльце возился господин Бауэр. Ему было за семьдесят, и он уже третий месяц утверждал, что операция на колене прошла прекрасно, хотя поднимался по лестнице так, словно каждая ступень была личным врагом. Рядом стояли две упаковки минеральной воды.

— Gude, господин Хартманн.

— Gude.

Мартин покосился на воду. Потом на старика.

— Даже не думайте.

— О чём?

— Вы прекрасно знаете.

Он поставил портфель на капот машины и взял обе упаковки.

— Я сам.

— Конечно.

— Врач сказал двигаться.

— Он имел в виду ходить. Не участвовать в соревнованиях грузчиков.

Бауэр открыл дверь.

— Вы всегда такой умный?

— За это мне платят.

Мартин занёс воду на кухню. Через четыре минуты сел в машину. На работу опаздывал на шесть. Это раздражало. Но не настолько, чтобы пожалеть.

* * *

Франкфурт уже проснулся. Автомобили тянулись к центру. На перекрёстке звякнул трамвай. Над городом поднимались банковские башни — стекло, бетон, металл. Хартманн любил этот вид. Не сами высотки. То, что они означали. Порядок. Систему. Если правильно считать риски, правильно выбирать людей и не принимать решения на эмоциях, большая часть хаоса переставала быть хаосом. Она превращалась в таблицу. Мартин прекрасно умел составлять такие таблицы.

В сорок три года он занимал должность, до которой многие коллеги добирались ближе к пятидесяти. Заместитель председателя правления Rhein-Main Handelsbank. Банк не входил в число крупнейших в Европе, но для нескольких тысяч сотрудников, предприятий и клиентов был вполне настоящим миром со своими правилами, страхами и деньгами. Через несколько месяцев Мартин вполне мог войти в правление окончательно. Он старался не думать об этом слиш-

ком часто. Получалось плохо.

* * *

Охранник у входа поднялся.

— Доброе утро, господин Хартманн.

— Доброе, Петер.

— Господин Краузе просил напомнить о совещании в одиннадцать.

— У него есть секретарь.

— Он сказал, что секретарю вы умеете отказывать.

Мартин остановился.

— А тебе?

Петер задумался.

— Пока нет.

— Умный человек.

В лифте молодая сотрудница прижала к груди папки.

— Господин Хартманн.

— Госпожа Майер.

— Вы посмотрели предложение по кредиту Holzer?

— Вчера вечером.

Она крепче прижала папки.

— И?

— Переделайте третью часть.

— Плохо?

— Если бы было плохо, я бы сказал переделать всё.

Она облегчённо выдохнула.

— Спасибо.

— За что?

Двери открылись.

— За то, что не сказали переделать всё.

Мартин вышел.

— Пока.

У себя в кабинете он обнаружил кофе, семь папок и записку: Райнер Фосс. Срочно. Райнер Фосс работал с ним четырнадцать лет. Сначала они были почти на равных. Потом Мартин пошёл вверх быстрее. Фосс никогда не показывал, что его это задевает. Мартин никогда не спрашивал. Иногда людям лучше оставлять маленькую ложь, если она позволяет им нормально жить.

* * *

К одиннадцати Мартин успел провести два совещания, отменить одну сделку и согласовать другую. В двенадцать сорок он вышел из здания с портфелем и бумажным свёртком, который утром положила Елена. Возле входа сидел мужчина. Борода. Грязная куртка. Бумажный стакан. Мартин прошёл мимо. Через несколько шагов остановился. Посмотрел на часы. Вернулся.

— Есть хотите?

Мужчина поднял глаза. Мартин протянул ему свёрток. Тот не сразу понял.

— Мне?

— Вам.

Мужчина взял.

— Спасибо.

— Не за что.

Через дорогу Мартин купил кофе и булочку. В три ему позвонила Елена.

— Бутерброд съел?

Мартин посмотрел в окно.

— Разумеется.

— Врёшь.

— Почему?

— Ты делаешь паузу перед тем, как соврать.

— Я никогда не делаю паузу.

— Только что сделал.

Он рассмеялся.

— Его съели.

— Кто?

— Человек.

— Отлично. Я обычно и готовлю еду для людей.

— В семь.

— Половина седьмого.

— Не начинай.

— Люблю тебя.

— Я тебя тоже.

Он положил трубку. На часах было 15:07. Через три часа и тридцать три минуты Мартин Хартманн должен был умереть. Он об этом не знал.

* * *

В 16:52 Райнер Фосс наконец появился. Закрыл за собой дверь. Не сел.

— Нам надо поговорить.

— Именно поэтому существует записка «срочно».

— Не здесь.

Мартин отложил ручку.

— Почему?

Фосс посмотрел на стеклянную перегородку.

— Потому что здесь стены с ушами.

— Райнер, это банк. Здесь у стен скорее бухгалтерия.

— Я серьёзно.

Мартин заметил его руки. Обычно Фосс всё время что-то вертел между пальцами — ручку, ключи, зажигалку. Сегодня руки были пустыми. И слегка дрожали.

— Я тоже, — сказал Мартин уже тише.

Фосс положил на стол маленький латунный ключ.

— Старый архив. В шесть.

— Что там?

— То, что тебе надо увидеть до понедельника.

— Покажи сейчас.

— В шесть.

— Райнер.

Фосс уже взялся за дверь.

— Поверь мне хотя бы ещё два часа.

Мартин нахмурился.

— Ты меня пугаешь.

Фосс остановился. На секунду лицо у него стало почти беспомощным.

— Я сам напуган.

И вышел.

* * *

В 17:58 они вошли в старый архивный корпус банка. Металлические шкафы, стеллажи, бумага, запах пыли. Фосс шёл впереди.

— Что происходит?

— Закрой дверь.

— Она и так закрылась.

— Проверь.

Мартин не двинулся.

— Райнер.

Тот достал папку и положил на стол. Мартин открыл. Первые две страницы ничего не значили. На третьей он перестал дышать. Кредитные гарантии. Переводы. Компании. Подписи. Его подписи.

— Что это?

— Именно то, на что похоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.